Исследовательская и политическая программа культурных исследований

Виталий Куренной

В РЕДАКЦИОННОЙ дискуссии относительно состава первого блока настоящего номера прозвучала нотка удивления — cultural studies? — Это должно быть что-то о телепередачах или об армреслинге, причем здесь скучные теоретические тексты?[1] Подобная реакция предсказуема. У культурных исследований[2] оказалась весьма скромная история русскоязычной рецепции в постсоветский период, точнее, она попросту не состоялась. В отличие от смежных программ французского структурализма и постструктурализма это направление фактически никак не представлено на русском языке[3].

1. Предваряя подборку переводных текстов по культурным исследованиям в настоящем номере журнала «Логос» — Реймонда Уильямса, Стюарта Холла и резюмирующую (на пике влияния в конце 1980-х гг.) статью Ричарда Джонсона, — замечу, что здесь выбраны наиболее представительные (программные) тексты культурных исследований, репрезентирующие их теоретическую, исследовательскую и в какой-то мере политическую позицию в период консолидации направления.
2. Здесь и далее в номере так транслируется термин «Cultural Studies», который первоначально указывает на британскую программу исследований культуры. В русском языке оборот «культурные исследования» является двусмысленным и малоупотребительным по стилистическим соображениям (а что, есть «некультурные исследования»?). Однако именно в силу этого искусственного характера и является, пожалуй, наиболее подходящим для использования в качестве специфицированного термина для обозначения конкретного направления в общем поле исследований культуры. Кроме того он является устоявшимся в соответствующей научной литературе на русском языке.
3. Помимо обращения к отдельным представителям культурных исследований в обобщающих работах, дело ограничилось несколькими статьями А. Усмановой (Культурные исследования // Постмодернизм: энциклопедия / Под ред. А. А. Грицанова, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис, Книжный дом, 2001. С. 394–400; От локального к глобальному: политика

В русскоязычном интернете доступен перевод на русский язык только одной статьи интеллектуального лидера программы культурных исследований — Стюарта Холла[4]. Несмотря на то, что в русскоязычном пространстве есть несколько научно-образовательных центров, где так или иначе преподаются культурные исследования[5], это направление не стало предметом какой-либо заметной дискуссии или рефлексивной интерпретации. И совсем не имело никакой внятной адаптации в виде исследовательского направления или программы. Если тексты французских структуралистов и постструктуралистов прочно, массированно вошли в образовательный и исследовательский обиход подготовки гуманитариев самых разных направлений в российских вузах, то программа культурных исследований так и осталась здесь темным пятном. В лучшем случае речь идет о растворении отдельных элементов этой программы в смутном и фрагментированном понятии «постмодернизма», которое на долгие годы воцарилось в качестве теории всего в постсоветском российском интеллектуальном пространстве. Комментарии к политической составляющей проекта культурных исследований также ограничились общими скупыми замечаниями[6].

«Культурных исследований» // Топос. 2000. № 3. С. 161–165), рассеянными фрагментами переводов (например: Контексты современности — I. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000) и, возможно, отдельными статьями, которые сложно отследить в постсоветском журнальном многообразии. На русском языке есть также реферативный обзор сборника немецких переводов работ Э. П. Томпсона, выполненный С. Оболенской ([Реферат работы:] Э. П. Томпсон. Плебейская культура и моральная экономия. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. В 2009 г. Е. Черемушкиной была защищена диссертация «Истоки и становление проекта британских „Культурных исследований“», посвященная, главным образом, ранним работам основоположников культурных исследований — Р. Хоггарту, Р. Уильямсу и Э. П. Томпсону. В диссертации содержится подробная библиография русскоязычных работ, так или иначе посвященных проблематике культурных исследований.

4. См.: *Холл С.* Вопрос культурной идентичности // Художественный журнал. 2010. № 77–78.

5. В частности, магистерская программа «Визуальные и культурные исследования» по направлению «Социология» в Европейском гуманитарном институте (Вильнюс), на кафедре истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. В рамках подготовки по направлению «Культурология», отдельные курсы читаются (в частности Г. И. Зверевой) бакалаврам и магистрам отделения культурологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики.

6. В частности, Вера Зверева в своем предисловии к сборнику о массовой культуре замечает, что «принадлежность к „левому“ политико-культурному движению — неотъемлемая черта ряда влиятельных направлений в ис-

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии исследовательской и политической специфики программы культурных исследований (прежде всего, ее первоначальной британской версии), сочетающей как исторический взгляд на развитие этого движения, так и систематический анализ базовых особенностей этой программы. Структура статьи построена следующим образом:

§1. Общая характеристика программы культурных исследований.
§2. Анализ политического генезиса культурных исследований и их политической составляющей.
§3. Анализ дисциплинарной и методологической специфики культурных исследований.
§4. Содержательная характеристика основных этапов развития программы культурных исследований.
§5. Краткое описание основных тематических направлений исследований и сравнительно развернутая экспликация развития одного из направлений (изучение молодежных субкультур).
§6. Оценка динамики взаимоотношения политической и исследовательской составляющей проекта культурных исследований.
§7. Причины сравнительно неудачной истории рецепции культурных исследований в постсоветском российском пространстве и возможные направления актуализации программы в сегодняшнем российском контексте.

Существует обширная литература по культурным исследованиям: в целом и по отдельным персоналиям[7], по национальной специфике[8], большое число антологий и ридеров[9], представляющих различные аспекты этой исследовательской программы, а также, распространившаяся в 2000-х гг., литература, стремящаяся адаптировать программу культурных исследований к новым культурным, социальным и, прежде всего, политическими реалиям современного мира, равно как и к набравшим

следованиях массовой культуры» (*Зверева В.* Предисловие // Массовая культура: Современные западные исследования. М.: Прагматика культуры, 2005. С. 14).

7. См.: Richard Hoggart and Cultural Studies/S. Owen (Ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
8. См.: Contemporary Spanish Cultural Studies/B. Jordan, R. Morgan-Tamosunas (Eds). London; NY: Arnold, 2000.
9. См.: Cultural Studies/L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (Eds). London; NY: Routledge, 1992.

популярность новым концептуальным течениям[10]. В настоящей статье я в наибольшей степени опираюсь на монографии Оливера Марчарта[11] и Криса Баркера[12], которые — что в данном контексте немаловажно — представляют собой систематические попытки изложить общие особенности программы культурных исследований из инокультурного контекста (соответственно, немецкого и американского). Учитывая более исторически конкретную сфокусированность именно на британских культурных исследованиях, перспектива Марчарта представляется наиболее подходящей для рассмотрения ядра программы культурных исследований[13].

1. ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Культурные исследования избегают дисциплинарной и понятийной идентификации, равно как методологической и институциональной. Согласно Стюарту Холлу, перспектива дисциплинарной институционализации представляет собой «существенную опасность» для культурных исследований[14]. Культурные исследования позиционируются с помощью метафоры «междисциплинарного» или «постдисциплинарного» поля исследований, связанного с определенным ансамблем ключевых понятий и практических (политических) установок. Что, впрочем, не отменяет многочисленных попыток определения их специфики. Крис Баркер[15] и Тони Беннет[16] сходятся в следующем дисциплинарном определении культурных исследований:

- Культурные исследования — это междисциплинарное поле, в котором перспективы различных дисциплин мо-

10. См.: New Cultural Studies/G. Hall, C. Birchall Clare (Eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
11. См.: *Marchart O.* Cultural Studies. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2008.
12. См.: *Barker C.* Cultural Studies: Theory and Practice. 3rd ed. London: Sage Publications, 2008.
13. Работа Баркера, кроме того, имеет обзорный и сциентизированный характер, будучи выпущена в рамках традиционных для издательства «Sage» компендиумов по социальным исследованиям, тогда как работу Марчарта, напротив, отличает проблемный характер, стремление сохранить верность культурным исследованиям как политическому проекту в современном контексте.
14. *Hall S.* Cultural Studies and its Theoretical Legacies // Cultural Studies/L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler (Eds). London; NY: Routledge, 1992. P. 285.
15. См.: *Barker C.* Op. cit. P. 6–7.
16. См.: *Bennett T.* Culture: A Reformer's Science. StLeonard, NSW: Allen & Unwin, 1998.

гут быть привлечены для анализа отношений культуры и власти.

- «Культурные исследования занимаются всеми теми практиками, институтами и системами классификации, посредством которых населению прививаются определенные ценности, верования, способности, рутинные жизненные практики и привычные формы поведения»[17].
- Формы власти, которыми занимаются культурные исследования, различны и включают гендер, расу, класс, колониализм и т. д. Культурные исследования стремятся изучить связи между этими формами власти и развивать такие стратегии мышления в отношении культуры и власти, которые могут быть использованы людьми в их стремлении к изменениям.
- Первичная институциональная форма культурных исследований — это форма высшего образования. И в этом качестве культурные исследования подобны всем прочим академическим дисциплинам. Тем не менее они стремятся установить отношения за пределами академии с социальными и политическими движениями, с людьми, которые трудятся в институтах культуры и занимаются менеджментом культуры.

Культурные исследования отличает, прежде всего, особый набор пресуппозиций в отношении культуры как таковой, характерных в целом для марксистского понимания общества как пространства политического конфликта[18]. Культура для культурных исследований не является чем-то нейтральным и мирным. Она продуцирует и репродуцирует политические и социальные идентичности, которые могут в определенной ситуации конвертироваться в прямой политический конфликт. Как выразился по этому поводу Терри Иглтон (ученик Реймода Уильямса): «В Боснии или в Белфасте культура — это не только то, что вы вставляете в магнитофон, но еще и то, за что вы убьете»[19]. Культура является не только способом удержания структурированной властью стабильности, но и проводит границы возмож-

17. Ibid. P. 28.

18. Первый параграф «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848) начинается с утверждения именно этого тезиса: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу <…>».

19. *Иглтон Т.* Идея культуры. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. С. 63.

ных конфликтов, так как культурная идентичность существует постольку, поскольку отделяет себя от других идентичностей.

Культура в перспективе культурных исследований выполняет функцию установления гегемонии и тем самым социальной и политической стабилизации общества. Сфера повседневной культуры и здравого смысла имеет свое макрополитическое измерение, остающееся по большей части нетематизированным и неосознанным. Культурные исследования, как замечает О. Марчарт, осуществляют операцию, в чем-то аналогичную психоаналитической, описанной Фрейдом в работе «Психопатология повседневной жизни», которая вскрывает глубинный симптоматический характер повседневной забывчивости, оговорок и т. д.[20] А именно, посредством исследовательской работы производится выявление скрытого политического характера деполитизированных — на первый взгляд — действий и явлений культуры. Речь, таким образом, идет об *экспликации политического, понятого как системы властных отношений и конфликта, в сфере деполитизированной повседневной культуры*.

Стюарт Холл сформулировал специфическую особенность программы исследований культуры следующим образом: «Что является специфическим, особенным в перспективе культурных исследований? Я полагаю, это вопрос политики культурной сферы или культуры политической сферы приближается или даже составляет центральное понятие культурных исследований»[21].

Оливер Марчарт, предлагая свой вариант раскрытия теоретической и практической программы культурных исследований, говорит о парадигмальной для нее модели «магического треугольника». Она включает три циклически взаимосвязанных элемента: *культура — власть — идентичность*, причем ни одни элемент не имеет самостоятельного и самодостаточного характера. Согласно Марчарту, культурные исследования можно определить как «интеллектуальную практику, занятую исследованием того как социальные и политические идентичности (ре-)продуцируются в сфере культуры посредством власти»[22]. К отличительным особенностям понимания этой трехчастной структуры относится то, что, во-первых, власть не имеет како-

20. *Marchart O.* Op. cit. S. 13.

21. *Hall S.* Cultural Studies und die Politik der Internationalisierung // *Hall S.* Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument. S. 141. Первая публикация: 1996 г. (Здесь и далее я использую наиболее компактное на сегодняшний день издание статей, интервью и докладов Стюарта Холла, выпущенное в 4-х томах гамбургским издательством «Argument».)

22. *Marchart O.* Op. cit. S. 35.

го-то локализованного пространства в социуме или государственном аппарате, но пронизывает все социальное поле, репродуцируя властные отношения в культурной среде. Во-вторых, культурные исследования исходят из того, что, несмотря на подобный всепроникающий характер власти, всегда существует возможность сопротивления ей, что властная гегемония всегда нестабильна и оставляет пространство для протеста: «Власть никогда неспособна сделать саму себя тотальной»[23].

Превращая культуру повседневности в предмет, таким образом, практически ориентированного анализа, исследования культуры предполагают своего рода операцию «остранения» — превращения обыденного и привычного в непривычное, странное. Ее целью является выявление тех скрытых характеристик, а именно — власти и конфликта, которые пронизывают сферу повседневной культуры — прежде всего, популярной и медийной. Таким образом, *не культура как особый предмет является отличительной особенностью культурных исследований*. Культурные исследования объединяет не предмет (повседневная культура, массовая или медиакультура), а практическая цель — *экспликация политического и политической перспективы*. Эта практическая операция может быть реализована посредством хотя и вариативных, но поддающихся кодификации дискурсивных и понятийных средств, опирающихся, в свою очередь, на общие теоретические и политические модели, определяющие предварительное структурирование предмета исследования.

Указанная стратегия политизации и политической ангажированности, являющая отличительной особенностью культурных исследований, отсылает нас к более широкой проблеме политически ангажированного научного знания. В данном контексте я ограничусь двумя замечаниями по этому поводу. Во-первых, именно политическая перспектива культурных исследований отличает их, в частности, от немецкой традиции наук о культуре (Kulturwissenschaften): если первые стремятся политизировать определенные культурные группы (маргинальные и социально-пораженные слои), то традиция наук о культуре стремится защитить общество от рискованной стратегии политизации со стороны научной практики[24], тем самым поддерживая не только тезис Макса Вебера о ценностной нейтральности научного знания, но и учитывая опыт нацистской политизации науки. Во-вторых, указанная особенность культурных исследований должна совершенно ясно осознаваться и учиты-

23. *Grossberg L.* What's Going On? Cultural Studies und Populärkultur. Wien: Turia + Kant, 2000. P. 266. Цит. по: *Marchart O.* Op. cit. S. 36.
24. Ср.: *Marchart O.* Op. cit. S. 23.

ваться в российском контексте, где эта тема была, можно сказать, весьма драматически прожита в XX веке. Представление о политической составляющей научного знания было неотъемлемым элементом советской как официально-идеологической, так и репрессивной системы (эта тема еще будет затронута в последней части статьи).

2. ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА И БРИТАНСКИЕ НОВЫЕ ЛЕВЫЕ

2.1. ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Генезис культурных исследований тесно связан с трансформацией левых британских и, шире, европейских политических течений в послевоенный период. В самом общем виде проект культурных исследований представляет собой теоретический и практический ответ на стремительное падение значения основного протестного политического субъекта Европы второй половины XIX—первой половины XX в. — пролетариата. Национальная политическая консолидация, в том числе, британского общества в ходе Второй мировой войны была дополнена в послевоенный период экономической и социальной программой формирования «государства всеобщего благосостояния» («welfarestate»)[25]. Помимо социальной политики она подразумевала также ликвидацию латентной угрозы «гражданской войны» и интеграцию прежнего классового носителя революционного сознания в общую целостность национального буржуазно-рыночного общества («обуржуазивание пролетариата»). Значение этой программы не сводилась к какому-то конечному ряду мер, речь шла, скорее, о сложном комплексе трансформаций политического, культурного, социального и экономического порядка, который в Британии начал реализоваться уже в конце Второй мировой войны. Ориентация на формирование социального государства означало, в частности, продолжение роста государства

25. Идея «государства всеобщего благосостояния» в Европе имеет своим источником программу «Sozialstaat» («социального государства»), реализуемую Бисмарком в 1880-х гг. в Германии. В Британии эта политика восходит к так называемому «Докладу Бевериджа»: в 1942 г. был опубликован доклад возглавляемой Уильямом Бевериджем междепартаментской комиссии «Социальное обеспечению и объединенные службы», где были перечислены пять «великих зол» современного индустриального общества, которые призвано ликвидировать именно государство: нищета, необразованность, антисанитария, безработица и болезни.

(и без того выросшего во время войны), осуществляющего бюрократизированную политику регулирования и перераспределения. Расширялся доступ к образованию — в Британии важным рубежом здесь является «Butler Education Act» 1944 г. А также к здравоохранению, что выразилось в создании британской Национальной службы здравоохранения («National Health Service»).

В послевоенный период быстрыми темпами шло формирование общества потребления и массовых потребительских установок, способствующих формированию «чувства бесклассовости»: «Капитализм как социальная система сегодня определяется потреблением», — констатировал Стюарт Холл в конце 1950-х[26]. Потребительские товары превратились в инструменты, генерирующие социально-иерархические различия, в силу своей способности аккумулировать социальную ценность. «Культура, образование и обучение, подобно другим „потребительским товарам" нашего общества, обросли социальной ценностью в иерархии статусных символов. Обучение или чтение больше не являются процессами, посредством которых индивид расширяет и углубляет свой опыт ради него самого... они сами по себе представляют стратегии продвижения по лестнице статусов. Разные книги подразумевают разные — и даже утонченно различные — стили жизни»[27].

В этой новой ситуации специфическая сложность, прежде всего, для левых теоретиков и активистов заключалась в том, что новый послевоенный национальный внутриполитический консенсус (маркируемый как политическая апатия), достигнутый на символическом уровне сознания, не подтверждался экономическими и социальными индикаторами: тотального обуржуазивания, в частности, британского общества не произошло[28]. Реймонд Уильямс формулировал это противоречие следующим образом: «Рабочий класс не становится буржуазией, обладая новыми продуктами, во всяком случае не больше, чем буржуазия перестает быть буржуазией, когда изменяется характер объектов ее собственности»[29]. Эта новая ситуация, не поддающаяся объяснению с точки зрения классического марксизма (во всяком случае его распространенных догматических интерпретаций), вызвала во всей Европе появление широкого спектра новых аналитических инструментов, призванных ее объяснить, — это была часть теоретического ответа на новую ситуацию. В рамках

26. *Hall S.* A Sense of Classlessness // Universities & Left Review. 1958. № 5. P. 29.
27. Ibidem.
28. Ср.: *Marwick A.* A Social History of Britain. 1945–1983 // D. Punter (Ed.). Introduction to Contemporary Cultural Studies. London; NY: Longman, 1986. P. 19–46.
29. *Williams R.* Culture and Society. 1780–1950. NY: Anchor Books, 1960. P. 343.

программы культурных исследований это привело к признанию сравнительно самостоятельной роли культурно-символической «надстройки» и смещению исследовательских интересов левых основоположников программы в область культуры.

Снижение политической активности прежнего протестного класса шло параллельно с зарождением новых форм политического и символического протеста — так называемых новых социальных движений и новых левых[30], активность которых достигла кульминации в 1968 г. Ввиду появления этого нового феномена перед левыми интеллектуалами и активистами открывалась *практическая перспектива перевода символических форм протеста в реальный политический протест — в том случае, если потенциально поддающиеся политизации протестные группы будут верно идентифицированы на основе их символической манифестации, а их интенции — правильно поняты, а затем и артикулированы на макрополитическом уровне*. В силу того, что подобные протестные группы могли иметь мало общего с классическим пролетариатом и его политической программой, пришла в движение и сама рамочная политическая платформа первых политических активистов культурных исследований. Политическая программа «социализма» и «социалистического гуманизма» (Эдвард П. Томпсон) со временем все больше уступает в культурных исследованиях место более широкой политической платформе — радикальной демократизации, понятой, например, как «действительная передача власти тем, кто ее лишен»[31]. Наконец, как формулирует Р. Джонсон уже в 1987 г.: «Культурные исследования — это не программа исследований для конкретной партии или течения. И еще меньше они связывают свои интеллектуальные усилия с какими-то устоявшимися доктринами. Такая политико-интеллектуальная позиция возможна, потому что политика, которую мы стремимся создать, еще не сформирована до конца»[32].

30. Британское понятие «New Left» было прямым переводом названия французского движения «nouvelle gauche», объединившегося первоначально вокруг журнала «France Observateur». Подробный анализ истории «новых левых» в Великобритании см.: *Kenny M.* The First New Left. British Intellectuals after Stalin. London: Lawrence & Wishart, 1995; *Blackledge P.* The New Left's Renewal of Marxism // International Socialism Journal. 2006. № 112. Указанная работа Блэкледжа является частью подборки в том же номере журнала статей о значении 1956 г. для формирования нового социалистического движения.

31. *Hall S.* Der Staat — der alte Verwalter des Sozialismus // *Hall S.* Ideologie, Kultur, Rassismus. Ausgewählte Schriften 1. Hamburg: Argument, 1989 (1984). S. 234.

32. «Так что же такое Cultural Studies?» (см. перевод в настоящем номере журнала).

Существенным моментом в истории формирования культурных исследований является также их партийный контекст. Ранний период здесь отмечен тесным, но при этом все более критическим взаимодействием протагонистов будущих культурных исследований с британскими лейбористами, а также — как в случае с Эдвардом П. Томпсоном — с компартией Великобритании.

Для аналитического описания партийной ситуации этого периода уместно воспользоваться понятием «либеральный консенсус» Иммануила Валлерстайна. Либеральный консенсус определяется как форма политического согласия «старых» парламентских партий, в рамках которой «под маской идеологического конфликта скрывалась реальность идеологического консенсуса» трех основных политических течений современного буржуазного общества — либерального, консервативного и социалистического[33]. Согласно Валлерстайну, 1968 г. показал, что «новые» социальные и левые движения окончательно разочаровались в либеральном консенсусе и старых парламентских партиях. Они перешли к альтернативной форме политического действия — «новой политике», отличающейся, прежде всего, децентрализованным и дебюрократизированным характером.

Что касается международного контекста рождения программы культурных исследований, то здесь важнейшую роль играла политика деколонизации, стимулировавшая процесс миграции в бывшую митрополию жителей прежних колоний, а также изменение настроений новых левых в отношении СССР. Новая постколониальная ситуация, все последствия которой еще далеко не проявились в Европе и до настоящего момента, стала источником множества сквозных сюжетов культурных исследований (антиколониализм, раса, диаспора и т. д.). Что касается нашего круга вопросов — рождения культурных исследований из среды «новые левых» в Великобритании, — то решающим в возникновении новой политической и интеллектуальной ситуации, датой рождения британских «первых новых левых», стал 1956 г. В это время произошли три события: состоялся доклад Н. Хрущева на XX съезде КПСС, вызвавший в среде западных левых компанию по критике сталинизма и десталинизации; в октябре 1956 г. в Венгрию были введены советские войска; разразился Суэцкий кризис: Израиль, Великобритания и Франция предприняли вторжение в Египет.

33. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 308.

2.2. ПЕРВЫЕ НОВЫЕ ЛЕВЫЕ: клубы и журналы

Эдвард Томпсон, Эрик Хобсбаум и Джон Савилль, требовавшие проведения открытой дискуссии о преступлениях сталинизма и реформы Коммунистической партии Великобритании в 1956 г., дистанцируются от партии, Томпсон и Савилль учреждают журнал «The New Reasoner» (в эту группу входил также Аласдер Макинтайр).

Более молодая группа постколониальных интеллектуалов, британских марксистов, лейбористов и других левых интеллектуалов, «многие из которых были иностранцами или внутренними эмигрантами», еще до событий 1956 г. основала независимый политический союз «Социалистическое общество»[34], что обеспечило этой группе определенный «моральный капитал» (Холл) и самостоятельную позицию в тогдашнем левом интеллектуалом и политическом поле Великобритании. В «Социалистическое общество» входили, в частности, Стюарт Холл и Чарльз Тейлор (оксфордские студенты, как и многие другие члены этой группы), которые — вместе с Рафаэлем Самуэлем и Габриэлем Пирсоном — организовали в 1957 г. журнал «Universities and Left Review», где с 1958 г. основную редакционную работу вел Стюарт Холл. Два эти журнала были основными органами первой генерации «новых левых» в Великобритании. В 1960 г. оба журнала объединись в один — «New Left Review», первым редактором которого также становится Стюарт Холл.

Описываемый здесь британский опыт, бывший субстратом возникновения культурных исследований, заслуживает интереса по той причине, что является фактически прообразом всех последующих «новых социальных движений», а в какой-то мере и известных нам сегодня «сетевых движений». Принципиальной установкой британских первых новых левых был отказ от организационной формы и партийной структуры: «Мы находились под влиянием сталинского опыта и испытывали слишком большое недоверие к бюрократическим аппаратам политических партий»[35]. В итоге это движение не имело никакого организационного базиса, представляя собой, по сути, сеть клубов. Холл в своих воспоминаниях говорит о двадцати шести

34. *Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen // *Hall S.* Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument, 2000. S. 19. Первая публикация: 1996 г.

35. Ibid. P. 23. Ретроспективно Холл высказывает по этому поводу некоторое сожаление: «Возможно, мы были неправы, — и замечает, — мы не знали, что „тирания бесструктурности“ была проблемой для всех „новых социальных движений“» (Ibidem).

клубах, в специальных исследованиях по истории «первых новых левых» эта цифра доходит до сорока[36]. В Лондоне эта клубная культура новых левых тесно переплеталась с молодежной контркультурой — молодые люди собирались для дискуссий с авторами «Universities and Left Review» так же, как на джазовые и прочие музыкальные и культурные события. Дискуссии с авторами могли анонсироваться так: «Coffee, beer and spirits will be available» («В наличие кофе, пиво и интересные люди»).

Журнал «New Left Review» в начале 1960-х гг. стал, кроме того, своего рода фокусом трансформации, который описывается как переход от «первых» ко «вторым» новым левым в Великобритании. Внутри прежнего общего течения возникли разногласия. Стюарт Холл покинул пост главного редактора журнала в 1961 г. На смену ему в 1962 г. пришел Перри Андерсон, серьезно изменивший редакционную политику. Теперь журнал занял критическую позицию по отношению к гуманизму и популизму Томпсона и первых новых левых. Интерес к теме освободительных движений и третьего мира вытеснял проблематику британской рабочей культуры. Можно сказать, что на смену программе «культурализма» — основы культурных исследований — у «вторых новых левых» пришли структуралистские марксистские подходы, импортированные из Франции, в которых, кроме прочего, подчеркивалась приоритетная важность теоретической работы по отношению к политическому активизму[37]. Впрочем, собственный «поворот к теории» происходил и в плане культурных исследований, которые — уже в рамках Бирмингемского Центра — также активно обратились, в том числе, к теоретическим разработкам.

2.3. Происхождение и культура: социальный состав новых левых и компенсаторная реакция протагонистов культурных исследований

Социальный характер движения первых новых левых можно определить как своего рода «межклассовый»: это была «относительно свободно парящая интеллигенция» в том смысле как ее понимал Карл Мангейм[38]. Вот как Холл характеризует соци-

36. *Kenny M.* The First New Left. British Intellectuals after Stalin. London: Lawrence & Wishart, 1995. P. 27. Цит. по: *Marchart O.* Op. cit. S. 64.

37. См.: *Marchart O.* Op. cit. S. 67.

38. Мангейм, с одной стороны, определяет ее как слой, «который сравнительно мало связан с каким-либо классом и не имеет слишком прочных социальных корней»; тогда как, с другой стороны, этот слой характеризуется специфическим типом внутренней связанности — образованностью: «Причастность к одной и той же сфере образованности все более вы-

альный состав британских новых левых: «Я не пытаюсь представить социальный состав новых левых шире, чем он был в действительности. Однако неверно считать, что на пике своего развития они включали только студентов и интеллектуалов, как это было в США. Следует иметь в виду, что британские университеты никогда не были достаточно большими, чтобы представлять собой автономное политическое пространство. Долгое время новые левые охватывали, таким образом, разные социальные группы. Они возникли в пятидесятые, когда происходил глубокий классовый сдвиг. Было множество людей, которые находились в процессе перехода между традиционными классами. В первую очередь, это были выходцы из рабочего класса, которые теперь получали стипендию и шли в колледж или школу искусств. Они начинали работать по профессии, становились преподавателями или занимались чем-то подобным. Феномен новых левых был связан с людьми, которые сами пребывали в движении между различными классами. Многие наши клубы существовали в так называемых новых городах. Там жили люди, родители которых, возможно, были рабочими, но они сами получили лучшее образование, побывали в университете, а теперь сами стали преподавать. И Хоггарт, и Уильямс были выходцами из рабочей среды и благодаря образованию для взрослых стали интеллектуалами»[39].

Упомянутая в цитате проблема социального происхождения основателей культурных исследований позволяет объяснить содержательные и тематические предпочтения первых работ Хоггарта и Уильямса, а также проливает свет на склонность основных представителей культурных исследователей к работе в структурах дополнительного образования («образования для взрослых») за пределами университетских стен («extra-mural teaching»). В частности, Реймонд Уильямс преподавал в Worker's Educational Association[40], а Стюарт Холл после ухода с поста руководителя Бирмингемского Центра современных культурных исследований перешел на работу в Открытый университет (The Open University)[41] в качестве профессора социологии. Что касается содержательных предпочтений, то работы Хоггарта и Уильямса, посвященные истории и культуре рабочего класса, мож-

тесняет различия по рождению, сословию, профессии и имущественному положению, объединяя отдельных образованных людей именно под знаком этой образованности» (*Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 132–133).

39. *Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen. S. 21–22.

40. Ассоциация была основана в 1903 г. и существует по настоящее время.

41. Открытый университет был образован в 1969 г., в настоящее время является одним из ведущих британских центров дистанционного образования.

но трактовать в аспекте социологии знания как специфическую реакцию авторов — выходцев из рабочей среды — на столкновение с элитарной культурой в университетах. Реакция на этот своего рода культуршок была двоякой. С одной стороны, у основателей культурных исследований формировалась обостренная чувствительность именно к культуре (а не только и не столько к экономическому положению) как специфическому моменту классового различия[42]. Специфический биографический опыт основателей объясняет, таким образом, общий «поворот к культуре» в рамках программы культурных исследований. С другой стороны, реабилитацию именно рабочей и популярной культуры в работах Хоггарта и Уильямса можно рассматривать как компенсаторную реакцию на образцы высокой культуры, с которыми они столкнулись в университете: «В определенном отношении импульсом к учреждению исследований культуры можно считать попытку конвертации определенного культурного капитала (рабочей культуры) в символически легитимный (академический) капитал»[43]. Поворот к массовой и популярной культуре, акцент на демонтаже традиционной иерархии «высокой» и «низкой» культуры, имеет, таким образом, ясный социальный генезис, связанный с общими процессами социальной динамики послевоенного британского общества, в особенности же — с расширением доступа в систему высшего образования у выходцев из среды британского рабочего класса.

Следует, пожалуй, добавить, что данный культурный опыт не был уникальным для Великобритании: таким же образом можно объяснить и специфический исследовательский интерес к различиям в культурных предпочтениях («вкусу») различных социальных слоев у Пьера Бурдье — выходца из провинциальной семьи мелких служащих и принадлежащего к поколению Хоггарта и Уильямса.

42. Ретроспективно Уильямс так оценивал эту ситуацию: «Неравенство, которое я ощущал, было для меня — и для всякого, кто вышел из рабочей среды и прошел через институты высшего образования, — в первую очередь, неравенством культуры, процесса образования, обращения с литературой. То, что другими в других ситуациях ощущалось непосредственно как экономическое или политическое неравенство, было для меня <…> неравенством и даже, в какой-то степени, отсутствием общности культуры. Здесь заключался исток дискуссии о понятии культуры. Дело в том, что культура была и остается, особенно в Англии, одним из факторов, через который передаются классовые различия между людьми» (*Williams R.* Innovationen. Über den Prozesscharakter von Literatur und Kunst/H. G. Klein (Hg.). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1983. S. 74.)

43. *Marchart O.* Op. cit. S. 200.

2.4. Стюарт Холл: первая генерация постколониальной интеллигенции

Политический контекст формирования культурных исследований не был абстрактным набором проблем и вопросов, беспокоившим их основателей. Не ограничивался он также специфической чувствительностью к культурным различиям у выходцев из нижних слоев, получивших доступ к университетскому образованию и столкнувшихся в университетах с носителями иного социокультурного габитуса. Для Стюарта Холла — бессменного интеллектуального лидера культурных исследований — наглядный и драматический жизненный опыт был связан, кроме того, с комплексом проблем, вызванных колониализмом и постколониализмом: «Я прожил классические колониальные напряжения как часть моей личной истории» [44].

Холл родился в 1932 г. на Ямайке в семье, которая имела гетерогенные «классовые» и «цветные» истоки. Его семья принадлежала к «среднему классу», но отец и мать происходили из разных его страт. Отец был выходцем из его нижней — «черной» страты, где смешалось множество этносов (африканцы, португальцы, евреи и т. д.). Мать же принадлежала к верхней — «локальной белой» — страте, которая культурно отождествляла себя с Англией и плантаторами: «Она считала Англию родиной, она отождествляла себя с колониальной властью». По сравнению со своей старшей сестрой и братом Стюарт был самым «черным», что делало его аутсайдером уже в собственной семье. В детстве родители запрещали ему дружить с «черными» друзьями, однако сам Стюарт избегал дружить с «белыми». С «белой» культурой стремился идентифицировать себя и его отец. Но юный Стюарт понимал, что это унижает его отца, которого с трудом переносили англичане и «белые» в спортивном клубе, к которому он стремился приобщить также и сына: «Это я ненавидел больше всего. Не только то, что он принадлежал миру, который я отвергал. Я просто не мог понять, почему *он* не видит, как они его презирают». Уже школьником Холл был антиимпериалистом и солидаризовался с движением за национальную независимость Ямайки. На этот опыт наложилась драматическая история его сестры, пережитая Холлом в 17–18-летнем возрасте. По настоянию родителей она была вынуждена порвать отношения с «черным» выходцем с Барбадоса, что привело к тя-

44. Далее в этом параграфе я опираюсь на подробное автобиографическое интервью Холла, которое он дал в 1996 г. Куан-Хсинг Чену (*Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen).

желому нервному срыву и последующему лечению электрошоком, от чего она уже никогда не оправилась, навсегда оставшись в родительском доме. «Неожиданно, — говорит Холл, — мне стали ясны противоречия колониальной культуры: как индивид проживает и переживает колониальную зависимость от цвета и класса и как это может разрушить его как субъекта». Эта история повлияла на Холла таким образом, что он навсегда решил покинуть дом, а в конечном счете и страну.

Не менее драматически складывались отношения Холла и с матерью. Поскольку в автобиографических размышлениях Холла он занимает значительное место, я процитирую его in extenso. «Моя мать была невероятно доминирующим человеком. Мои отношения с ней были тесными и при этом антагонистическими. Я ненавидел то, чему она симпатизировала, что она пыталась мне представить. Но мы все были тесно с ней связаны, так как она доминировала в нашей жизни. Она доминировала в жизни моей сестры. К этому следует добавить, что мой брат, самый старший ребенок в семье, очень плохо видел и в конце концов ослеп. С самого раннего детства он был очень зависим от моих родителей. Когда я родился, эта зависимость сына от матери уже утвердилась в качестве образца. Она пыталась повторить это и со мной, а когда у меня появились собственные интересы и собственный взгляд на вещи, возник антагонизм. При этом отношения были интенсивными, так как моя мать всегда говорила, что я единственный, кто с ней борется. Она хотела надо мной господствовать, но она также ненавидела и тех, кто позволял ей над собой господствовать. Она презирала моего отца, так как он ей поддавался. Она презирала мою сестру, так как она была девушкой, а моя мать считала, что женщины неинтересны. В пубертатный период моя сестра боролась с ней все время, но когда моя мать ее сломала, то стала ее презирать. <…> Моя мать считала, что мое предназначение состоит в том, чтобы ей противостоять, и за это она меня уважала. Когда она, наконец, узнала, кем я стал в Британии, — что я осуществил все ее параноидальные фантазии о мятежном сыне, — она не хотела, чтобы я возвращался на Ямайку, так как я уже представлял сам себя, а не ее представление обо мне. Она узнала о моей политической деятельности и сказала: „Оставайся там, не возвращайся и не зли нас своими комическими идеями“»[45].

К этому стоит добавить, что женский вопрос, хотя и в другом аспекте, сыграл важную роль еще в одном рубежном биографическом эпизоде Холла. Дело в том, что феминизм, кото-

45. *Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen. S. 15.

рому Центр современных культурных исследований под руководством Холла открыл широкие двери, стал также одним из важнейших факторов, который повлиял на решение Холла оставить руководство центром и перейти к преподавательской деятельности в Открытом университете. В политическом отношении целью этого перехода было стремление Холла «обращаться к обычным людям, к женщинам, к студенткам и студентам вне университетских рамок». Однако феминизм относился к числу важных внутренних мотивов, которые Холл неоднократно упоминает в связи с этим эпизодом своей биографии (причем сам Холл был женат также на известной представительнице университетского феминистического движения Катерине Нортгемптоншир). «Женский вопрос также был сложен, а именно по двум основаниям. Первое состояло в том, что я не был противником феминизма: что бы там ни было, но я был его сторонником. Превращение меня во „врага“ в качестве ведущей патриархальной фигуры ставило меня в невозможную, противоречивую позицию. Конечно, они должны были так поступить. Было абсолютно правильно, что они так поступали. Они должны были заставить меня замолчать; в этом состояла политическая программа феминизма. Если бы меня пытались заставить замолчать правые, то все было бы в порядке. Мы бы до конца боролись против этого. Но я не мог бороться против своих студенток-феминисток. Это можно рассматривать также как противоречие теории и практики. Можно выступать на стороне определенной практики, но все обстоит несколько иначе, когда перед тобой неожиданно встает настоящая феминистка и говорит: „Дай нам убрать из программы Реймонда Уильямса и вместо него поставить Юлию Кристеву“. Жить политикой — не то же самое, что абстрактно выступать за нее. <…> С самого начала мы делали в Центре нечто вроде „альтернативного университета“. Не было никакого различия между студентами и сотрудниками. Но тогда я увидел, что возникает граница между поколениями, между позициями — студентами и преподавателями, а я не хотел этого. Если уж я должен был взять на себя ответственность в качестве преподавателя, то я хотел заниматься этим в более традиционных рамках. Я не мог так жить, чтобы половину времени быть преподавателем, а другую половину — отцом, чтобы меня ненавидели как отца и делали из меня антифеминистски настроенного мужчину»[46].

Подытоживая это биографическое отступление, можно сказать, что специфический методологический и предметный ак-

46. Ibid. P. 29–30.

цент культурных исследований на живом «опыте» и внимание к индивидуальной активности также в определенных пределах можно объяснить спецификой биографии их протагонистов, причем, как в случае Холла, весьма необычной. В 1951 г. он приехал в Великобританию в рамках первой — максимально образованной и ориентированной, в свою очередь, на получение высшего образования — волны миграции, сформировавшейся в процессе послевоенного демонтажа колониальной системы. Первоначально Холл даже не планировал оставаться в Великобритании, а его последующая политическая и научная карьера были, скорее, исключением, а не правилом для представителей этой первой волны: «…Я принадлежал к первой волне диаспоры. Когда я приехал в Британию, те немногие черные, что здесь жили, были студентами, и все черные, что здесь учились, хотели вернуться домой после завершения обучения»[47].

Вернемся, однако, к политическому движению первых новых левых в Великобритании, которое и было своего рода «Urszene» для культурных исследований.

2.5. «Майский манифест» и наследие новых левых в дискуссиях культурных исследований

Прежде чем окончательно раствориться в новых политических формах 1960-х гг., первые новые левые заявили о себе одним ярким политическим документом. В 1967 г. Реймонд Уильямс, Стюарт Холл и Эдвард Томпсон выпустили «Майский манифест» («May Day Manifesto»[48]) — пожалуй, самый значимый политический документ, вышедший из круга культурных исследований и первых новых левых, сразу же получивший широкий общественный резонанс. Поводом к написанию манифеста стал приход к власти лейбористов во главе с Гарольдом Вильсоном в 1964 г. и выпущенная его правительством «программа модернизации», технократический характер которой произвел весьма разочаровывающий эффект на левых интеллектуалов. С одной стороны, авторы «Манифеста» ретроспективно давали критическую оценку неспособности новых левых превратить многочисленные локальные практики и разрозненную аналитическую работу в какую-то общую политическую позицию. Подобная фрагментированность позволила лейбористской партии на уровне риторики присвоить некоторые требования новых левых. Эти

47. Ibid. P. 31.

48. В 1968 г. вышло второе (расширенное) издание «Манифеста» под редакцией Р. Уильямса.

требования, считали авторы манифеста, теперь следует привести в систематическую политическую, экономическую и социальную взаимосвязь, из чего вытекало требование целостного описания фрагментарно описываемой реальности. С другой стороны, авторы манифеста предприняли критический анализ технократической риторики модернизации правительства Вильсона («теологии» современного капитализма), которая не потеряла определенного аналитического значения и до настоящего времени. В частности, авторы утверждали: «Модернизация — это идеология никогда не завершающейся современности. Все прошлое принадлежит „традиционному“ обществу, а модернизация — это техническое средство, позволяющее порвать с прошлым, не создавая никакого будущего. Все уже в наличии: бездушное, слепое, лишенное мужества: человеческое общество редуцировано к техническим аспектам. Никакой конфронтации сил, ценностей или интересов, никакого выбора между конкурирующими приоритетами не предусмотрено и не является источником воодушевления. Речь идет о технократической, бесконфликтной и политически нейтральной модели общества, которая растворяет подлинные социальные конфликты и проблемы в абстрактных рассуждениях о „научной революции“, „консенсусе“ и „продуктивности“»[49]. Модернизационная политика консенсуса квалифицировалась в «Манифесте» как «политика управления людьми», недемократичная по своей сути.

«Майский манифест» был яркой, но прощальной манифестацией первых новых левых. Частично они растворились в новой политической констелляции 1960-х, частично — продолжили свое существование в форме культурных исследований. В последнем случае имеет смысл указать на некоторые характеристики установок новых левых, которые особенно заметным образом вошли в проблематики и дискуссии культурных исследований. Оливер Марчарт в этой связи указывает три подобные характеристики[50].

Во-первых, критика сталинизма у первых новых левых была увязана с критикой ортодоксального экономического детерминизма. Культурные исследования следовали этим же путем, стремясь заново — недетерминистически — определить отношения культуры и политики к экономическому «базису» — в противоположность сталинскому «механическому детерминизму».

Во-вторых, важным объединяющим моментом для новых левых и культурных исследований является противопоставление

49. May Day Manifesto/R. Williams (Ed.). Harmondsworth: Penguin, 1968. P. 45. Цит. по: *Marchart O.* Op. cit. S. 69.

50. *Marchart O.* Op. cit. S. 64–66.

экономическому детерминизму способности к действию (agency) «нормальных людей». Так, проект «социалистического гуманизма» Томпсона основывался на анализе и критике сталинской идеологии, с ее подчеркнутым антиинтеллектуализмом, догматизмом и тяге к абстракциям, и противопоставлял ей требование вернуть в центр политики «реальных мужчин и женщин», их «креативную» способность к действию. Речь шла не о беспредельном волюнтаризме, однако Томпсон подчеркивал возможность индивида в определенных пределах формировать свою собственную историю в преднайденных обстоятельствах. В позднейших разработках культурных исследований (в частности, у Л. Гроссберга) эта тема нашла отражение в дискуссии о проблеме «уверенности в себе» (empowerment), под чем понимается «обеспечение отдельных практик, которое <…> является условием возможности, позволяющим отдельной практике или высказыванию существовать в специфическом социальном контексте и проживать людям свои жизни различным образом»[51].

В-третьих, критика сталинизма и «старых» партий означала выдвижение на повестку дня радикально-демократического проекта. Под этим подразумевается развитие партиципативной, плюралистичной и инклюзивной культуры, демократического «whole way of life», переоценка и отказ от буржуазного индивидуализма, разворачивающегося в современном пространстве социального и политического контроля. Хотя частная собственность на средства производства по прежнему рассматривалась — в частности, Уильямсом — как важнейшее препятствие на пути реализации идеи социалистической демократии, все большее значение придается «демократии образования и социального участия»[52].

Помимо этих очевидных родимых пятен, сохранившихся от первых новых левых на проблематике культурных исследований, можно указать и ряд других специфических особенностей этой программы, которые можно рассматривать как следствие инфильтрации политических установок в исследовательскую программу. В частности, та методологическая особенность культурных исследований, которую мы рассмотрим в следующем параграфе, а именно меж- и антидисциплинарность, — вполне изоморфна обрисованной выше стратегии первых новых левых, с подозрением относившихся ко всякой организационной форме и рационально-кодифицированным («бюрократизированным») типам политической активности.

51. *Grossberg L.* Critical Theory and the Politics of Empirical Research // Mass Communication Review Yearbook. Vol. 6 / M. Gurevitch and M. Levy (Eds). London: Sage, 1987. P. 95.

52. *Marchart O.* Op. cit. S. 66.

3. МЕЖ- И АНТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Исследования культуры не только фактически являются междисциплинарными, но и рефлексивно отвергают идею академической дисциплинарности. Основанием для этого является убеждение, что дисциплинарность навязывается системой академической организации, каковая также находится под политическим подозрением и не может производить релевантного социокультурного знания. Поэтому традиция культурных исследований активно и быстро восприняла критику академического знания как частной формы дисциплинарно-властных отношений (Бурдье, Фуко).

Однако в эмансипаторном стремлении к ликвидации дисциплинарных и академических границ таилась опасность, которая проявила себя лишь впоследствии и в весьма неожиданном месте. Изначально борьба с формализацией и бюрократизацией, которая в данном случае велась культурными исследованиями на уровне методологического определения и дисциплинарных рамок, была своеобразной превращенной формой антибюрократической борьбы в рамках политического проекта новых левых. Однако этот элемент риторики был впоследствии перехвачен неолиберальными политиками, которые под теми же лозунгами борьбы с бюрократией etc. активно проводили демонтаж структур социального государства, что в конечном счете не могло не затронуть и академические структуры.

В указанной здесь цепочке, увязывающей чисто методологические проблемы и проблемы политики, нет ничего надуманного или экзотического — именно эта увязка стала, по сути, стимулом для методологического дисциплинирования позднейших деривативных исследовательских проектов. Так, в полемическом ключе по отношению к культурным исследованиям Мике Баль развивает собственный проект «анализа культуры», направленный на преодоление основных изъянов прежней программы. К числу последних она относит три следующие основные проблемы: «Во-первых, *cultural studies* как дисциплине, не расположенной к традиционным подходам, не удалось (достаточным образом) сформулировать какую-то собственную методологию — методологию, с хорошо обоснованными механизмами верификации и фальсификации, которая бы могла защитить дисциплину от впутывания в партийные конфликты. Во-вторых, они не преодолели деструктивный зазор между *les anciens* и *les modernes*, но углубили его и тем самым укрепили бинарную структуру, каковая столь же стара, как сама культура, и по своей тенденции усиливает Эдипов психосоциальный механизм, который совершенно не способен содействовать из-

менению господствующих структур власти. В-третьих, в период экономического кризиса присущая *cultural studies* междисциплинарность (методологически, однако, плохо разработанная) дала в руки руководителям университетов средство для слияния и ликвидации специальных дисциплин, которое могло иметь разрушительные последствия и для тех широких оснований, без которых не могут обходиться также и *cultural studies*»[53].

Увязка некоторых содержательных и методологических особенностей культурных исследований является еще более решительной и определенной у критиков этого направления. В частности, Алан Вольф[54], язвительно критикуя обращение американских культурных исследований к популярной культуре и вытекающий отсюда «антиинтеллектуализм» этой исследовательской стратегии, дополняет критику Баль еще более резким аргументом: «Главная проблема в следующем: если столь энтузиастически бросаться в объятия популярной культуры, то каким образом культурные исследования защитят такой институт, как университет, который существует для поддержания жизни ума?»[55].

В порядке эпистемологического комментария к этой проблеме стоит заметить, что из континентальной перспективы философии науки размытость предметного и методологического, а также и вытекающего отсюда дисциплинарного профиля культурных исследований не является сколь-нибудь критическим моментом для реализации научного исследовательского интереса. В отрицании наличия строго методологически очерченной предметной области «культуры» можно распознать разработанный уже в немецкой философии культуры квазитрансценденталистский мотив. В соответствии с ним речь идет не о работе с определенной предметной и объектной областью строго фиксированным дисциплинарно-методологическом образом, а о специфическом способе практико-ориентированного конструирования данного предмета, задающего в данном конкретном случае такую перспективу социокультурных феноменов, которая позволяет ставить вопрос о производстве и воспроизводстве идентичностей и властных отношений. Фактически это означает, что любая социальная сфера может быть изучена с позиций культурных исследований, что в какой-то степени сбли-

53. *Bal M.* Kulturanalyse. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2006. S. 8.

54. Один из заметных американских интеллектуалов центристской демократической направленности, вышел из левой марксисткой среды, долгое время возглавлял департамент социологии в Бостонском университете.

55. *Wolfe A.* Marginalized in the Middle. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996. P. 32.

жает cultural studies с антиэссенциалистской программой философии культуры неокантианства[56].

Что касается собственно методологического профиля программы культурных исследований, то он также достаточно размыт и в целом строится на качественных методах изучения. Крис Баркер выделяет здесь три основных типа методологических подходов в культурных исследованиях[57]:

- Этнографические и культурно-антропологические методы с акцентом на непосредственный эмпирический опыт;
- Различные виды анализа текста — семиотика, нарративные исследования, постструктуралиские приемы, включая — в более поздних версиях — деконструкцию в духе Ж. Деррида;
- Рецептивные исследования (reception studies) — весьма многообразные по своему происхождению (в частности, с определенным влиянием герменевтической традиции). Ключевым методологическим текстом является статья Холла «Кодирование/Декодирование» (1980), базовая схема которого затем многократно варьировалась в культурных исследованиях[58].

Неудачей «стратегии определения» (Р. Джонсон) собственного дисциплинарного и методологического профиля следует, на наш взгляд, объяснить слабую институциональную устойчивость культурных исследований. Одним из следствий подобной неустойчивости стало закрытие 31 июля 2002 г. Центра современных культурных исследований (The Centre for Contemporary Cultural Studies), действовавшего с 1963 г. в Бирмингемском университете[59]. Вместо него был образован департамент социологии — что в некотором смысле было символично, учитывая дисциплинарный контекст формирования культурных исследований. Дело в том, что в Британии культурные исследования в активный период своего формирования компенсировали методологическую ограниченность и слабость тогдашней британской социологии, находившейся под определяющим влиянием американского функционализма и характеризовавшейся преобладанием количественных эмпирических методов. Культур-

56. Ср.: *Marchart O.* Op. cit. S. 21–22.
57. *Barker C.* Op. cit. P. 31–37.
58. См., например, статью Ричарда Джонсона в настоящем номере журнала.
59. Описание обстоятельств и мотивов закрытия центра и историю его преобразования (после сокращения штата) в департамент социологии, а также ссылки на прессу по этому вопросу см. в статье «The Centre for Contemporary Cultural Studies» в «Википедии».

ные же исследования использовали целую серию разнообразных подходов, таких как литературоведение, социальная история, позднее — качественные этнографические методы. Перри Андерсон пишет в этой связи: «литературная критика стала свободным полем, где формулировались вопросы по отношению к культуре, — ввиду отсутствия британской социологии, ввиду антропологии, в которой доминировал колониальный образ мыслей, а также ввиду британской философии, которая была поглощена своим эмпирически-лингвистическим слепым пятном»[60]. Указанная компенсаторная роль британских культурных исследований определяла более тесный характер их отношений с социологией, чем это было позднее в США.

Стюарт Холл, сопоставляя интенсивность институционализации культурных исследований в Великобритании и США, даже затруднялся их сравнивать (ввиду скорости этого процесса в Америке), но при этом отмечал определенные опасности масштабной институционализации: «Когда я думаю о тех сражениях, которые позволили нам отвоевать институциональное пространство для культурных исследований в Британии, чтобы получить для нескольких человек три-четыре закамуфлированных места, <…> сравнение с американскими культурными исследованиями просто невозможно. Если вспомнить важные работы, которые были написаны в Британии по теории или истории феминизма, а затем задаться вопросом, сколько из этих женщин когда-нибудь в своей жизни получили штатные места в академической сфере, или хотя бы имели шанс их получить, то можно составить представление, что такое на самом деле маргинальность. Разумеется, никто из нас, кто хотя бы раз пытался открыть какой-нибудь провинциальный центр в университете вроде Бирмингема, не станет сожалеть относительно необычайного взрыва культурных исследований в США, их мгновенной профессионализации и институционализации. И все же я должен напомнить и сказать, что в Британии мы всегда воспринимали институционализацию также и как момент большой опасности»[61]. Из дальнейших разъяснений Холла следует, что указанную опасность

60. Цит. по: *Hall S.* Cultural Studies und die Politik der Internationalisierung. S. 150. Согласно Андерсону, слабость как социологии, так и общественных наук в целом в Великобритании, сыгравшая, в общем-то, в пользу культурных исследований, объясняется отсутствием широкого слоя образованной буржуазии, при этом отдельные выдающиеся исследователи (например, Дарвин) ориентировались, скорее, на естественные, чем на общественные науки (*Anderson P.* Components of the National Culture // Student Power: Problems, Diagnosis, Action / A. Cockburn, R. Blackburn (Eds). Harmondsworth: Penguin, 1969).

61. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies // *Hall S.* Culture Studies:

он связывает, прежде всего, с «теоретической изощренностью», которую приобрели культурные исследования в США, а именно с поверхностным распространением моды на деконструктивизм. В конечном итоге эта практика приводит к преобладанию «текстуализации», которая сводит проблемы власти и политики к проблемам языка и текстуальности[62].

В нашу задачу не входит содержательный анализ трансформации культурных исследований в ходе перемещения в академическое поле США. Отметим только, что, несмотря на указанный тем же С. Холлом институциональный бум начала 1990-х, его итоги оказались не столь впечатляющими, как ожидалось. Весьма выразительно это разочарование передает резюмирующая статья Майкла Бируби «Что происходит с культурными исследованиями? Популярная дисциплина теряет свои точки опоры»[63]. Отмечая необычайный энтузиазм по поводу культурных исследований конца 1980-х — начала 1990-х, когда «некоторые с надеждой или страхом полагали, что культурные исследования объединят под своим именем гуманитарные и социальные науки в целом», Бируби констатирует: «Если сравнить институциональные достижения культурных исследований с теми первоначальными надеждами, то вы обязательно разочаруетесь».

В большинстве американских университетов культурные исследования вообще не находят себе места, что означает, в частности, что «аспиранты, занимающиеся культурными исследованиями, должны надеяться на прием в какие-то близкие департаменты, имеющие культурно-исследовательскую составляющую». Хорошая новость для культурных исследований в США заключается, по словам Бируби, в том, что эти студенты могут пойти к преподавателям, занимающимся антропологией, «критической географией», «музейными исследованиями», культурной этнографией и даже кинесиологией, образуя тем самым широкую сеть исследований. Плохая же заключается в том, что культурные исследования в наибольшей степени имеют влияние в небольших — по меркам университета — департаментах английской литературы, а также проняты в некоторых департаментах современных языков, коммуникации, образования и истории. Однако в США они — в отличие от положения культурных исследований в Британии, которые тесно, хотя часто

Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument, 2000. S. 49. Доклад был прочитан в 1990 г.

62. Ibid. S. 50.

63. Здесь и далее цитируется: *Bérubé M.* What's the Matter With Cultural Studies? The Popular Discipline has Lost its Bearings // The Chronicle of Higher Education. 14.09.2009. URL: http://chronicle.com/article/Whats-the-Matter-With/48334/.

и весьма критически, были связаны с социологией, — не имеют заметного влияния на социологию.

В намного более критическом изложении уже цитированного выше Алана Вольфа объяснение научной маргинализации культурных исследований в США связывается не в последнюю очередь с дефицитом их социологической состоятельности — по сравнению с оригинальной британской традицией: «Социология популярного — это terra incognita; со времен Пауля Лазарсфельда социологи пытаются понять феномен массовой аудитории — и не очень в этом преуспевают. Но энтузиасты культурных исследований, не смущающиеся тем, что социологу нужны данные, фонтанируют воображаемыми интерпретациями того, что означает журнал „Hustler“ или иконография СПИДа для тех, кто читает или видит их. Если бы мы только знали! Факт состоит в том, что нет сколько-нибудь надежного основания для того, чтобы заключать, что популярная культура является источником сопротивления существующему порядку, как и для веры в то, что она является опорой доминирующего порядка. Культурные исследования — это пример того, что случается с профессором литературы, когда он забредает на территорию социологов, не имея при себе карты. Как мне заметил Мишель Шадсон (в личной беседе), культурные исследования, когда они пересекли Атлантику и отдалились от более социологической перспективы Стюарта Холла и Ричарда Хоггарта, утратили свое старомодное уважение и чувствительность к проблемам рабочего класса, свою связь с реальным опытом и даже свое изначальное понимание высокой культуры. Культурные исследования в Великобритании заполняли, ввиду отсталой социологической традиции, брешь в социальной науке, тогда как культурные исследования в Америке, ввиду конкуренции со стороны социологии, отошли от социальных наук в сторону гуманитарных департаментов, все чаше отказывающихся от классических текстов в пользу популярных артефактов»[64]. К этому суровому приговору Алана Вольфа необходимо отнестись самым серьезным образом при оценке аналитического и практического потенциала программы культурных исследований, реализующейся без определенного социально-научного фундамента. В контексте именно этого замечания Вольфа стоит также еще раз взглянуть на обтекаемые критические замечания Холла в отношении американской версии культурных исследований: то, что Холл называет их избыточной «текстуализацией», в суждении Вольфа приобретает вполне однозначный характер утраты связи с реальным опытом.

64. *Wolfe A.* Op. cit. P. 29–30.

4. РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

В нашу задачу не может входить сколько-нибудь исчерпывающий исторический обзор всех тематических направлений культурных исследований ввиду очевидной его непосильности. Остановимся лишь на трех моментах: основополагающие работы; основные содержательные особенности программы культурных исследований; основные направления исследований и их историческая траектория (здесь конкретизировано в качестве примера только одно направление — исследования молодежных субкультур).

Что касается хронологической периодизации развития программы, далее я буду придерживаться схемы, предложенной Оливером Марчартом. Он предлагает выделять три фазы истории культурных исследований: 1) эксплоративная фаза (середина 1950-х — начало 1960-х гг.), связанная с выходом ряда центральных работ «поколения основателей»; 2) формативная фаза (до конца 1970-х гг.), начавшаяся с основания Центра современных культурных исследований в Бирмингеме; 3) консолидационная фаза (1980-е—1990-е гг.).

4.1. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ РАБОТЫ

Эксплоративная фаза культурных исследований связана с четырьмя основными работами: «Выгоды грамотности» Ричарда Хоггарта («The Uses of Literacy», 1957), «Культура и общество. 1780–1950» («Culture and Society. 1780–1950», 1958) и «Долгая революция» Реймонда Уильямса («The Long Revolution», 1961), «Становление английского рабочего класса» Эдварда П. Томпсона («The Making of the English Working Class», 1963)[65].

Все эти работы центрированы на истории и культуре рабочего класса в Великобритании, задают методологические и тематические доминанты последующих культурных исследований. Основная инновация Хоггарта в ретроспективе становления исследовательской программы культурных исследований заключалась, прежде всего, в реабилитации повседневной, банальной и пошлой культуры рабочего класса. Согласно Хоггарту, те иллюстрированные журналы, которые пользовались популярностью в среде рабочих в межвоенный период, обслуживали не эскапистское

65. Развернутый анализ отдельных аспектов этих основополагающих для культурных исследований работ см.: *Черемушкина Е.* Истоки и становление проекта британских «Культурных исследований»: Дисс. … канд. культурологии. Саранск, 2009.

стремление отвлечься от повседневных забот, но, напротив, подчеркивали значение межчеловеческих отношений в повседневной жизни, «описывали во всей его банальности повседневный и рутинный образ жизни». Основываясь на воспоминаниях своего детства Хоггарт описывал различные ритуалы во время работы и досуга, которые позволяли локальным рабочим сообществам поддерживать некое органическое единство культуры. Хоггарт считал, что в межвоенное время в среде рабочего класса существовала определенная культура солидарности и общности, которая начала деградировать в послевоенное время под влиянием проникающей из США стандартизованной массовой культуры, а также общих процессов коммерциализации культуры. Таким образом, Хоггарт проводил различие между разными типами массовой культуры, по-разному оценивая ее довоенное и послевоенное состояния, причем общая тенденция выглядела в его изложении весьма пессимистической. В методологическом отношении инновация Хоггарта заключалась в использовании приемов детального чтения литературного критика Франка Реймонда Ливиса[66]. Отличие от Ливиса заключалось, однако, в том, что последний был апологетом элитарной культуры, носителем которой являются узкие группы интеллектуалов[67], тогда как для Хоггарта «текстом» выступала популярная культура рабочего класса.

66. Литературно-критические приемы Ливиса иногда трактуются как разновидность метода «close reading» — детальной практики чтения, сконцентрированной на тексте как самодостаточном эстетическом объекте, разрабатывавшейся в американской школе «новой критики» в 1930-х гг.

67. В манифесте «Массовая цивилизация и культура меньшинства» Ливис утверждал: «В любую эпоху только очень незначительное меньшинство способно проницательно воспринимать искусство и литературу: лишь немногие (если не брать случаи простые и известные) способны к спонтанному, самостоятельному суждению» (*Leavis F. R.* Mass Civilization and Minority Culture. Cambridge: The Minority Press, 1930. P. 3). Ливис был пропагандистом идеи «Культуры с заглавной буквы „К“», в чем наследовал британской литературно-критической традиции, выраженной Мэтью Арнольдом следующим образом: культура — «это лучшее, что было придумано и сказано в мире» (цит. по: *Barker C.* Op. cit. P. 40). Впрочем, акцент на популярной и пролетарской культуре в работах Хоггарта и Уильямса не отменял того обстоятельства, что они соотносились с «Культурой с заглавной буквы „К“» и демонстрировали ее детализированное понимание (в особенности в работах Уильямса). Поэтому данную критику Ливиса не следует понимать упрощенно — определенные его интуиции разделялись ранними представителями программы культурных исследований в Великобритании и получали специфическое преломление — такова, например, ливисовская идея особой культуры тесного круга, «культуры меньшинства», где могут реализоваться внутренние отношения товарищества. Ввиду этого интереса как к Ливису, так и к другим пропагандистам высокой культуры в Великобритании, Алан Вольф, критикуя антиинтеллектуализм американских культурных исследований, как раз и противопоставляет им британскую традицию, которая,

В работах Уильямса этот подход Хоггарта и Ливиса получил дальнейшее развитие, хотя он дистанцировался в целом от ностальгического воспевания прежней английской «народной культуры» в духе Хоггарта. Уильямс предпринимает исторический анализ понятия «культура» в Британии с конца XVIII в., чтобы показать, что наряду с буржуазной идеей культуры, основанной на индивидуализме, формируется также альтернативное — пролетарское — представление о культуре. Оно основано на идеях коллективности и общности, из которых вырастают специфические взгляды, типы поведения, привычки и институты, такие как профсоюзы, товарищеские и партийные объединения. Ключевым моментом этой пролетарской культуры является солидарность, стабилизирующая сложно структурированную, плюралистическую, но при этом совместно проживаемую и партиципаторную культуру. В отличие от дифференцированной «классовой» буржуазной культуры Уильямс развивает понятие культуры как целостного образа жизни определенного сообщества, исходным пунктом которого является «превращение защитного элемента солидарности в более или менее позитивную практику соседства (neighbourhood)»[68].

Культура — это «a whole way of life», как определяет ее Уильямс, используя выражение Т. С. Элиота. Культура не есть нечто отдельное — нет никакого общественного пространства вне культуры, нет особого класса людей, которые производят значения и ценности культуры. Одна из статей Уильямса резюмирует этот программный тезис в своем названии очень просто: «Культура обыденна» («Culture is ordinary»). Еще одним важным аспектом работы Уильямса, важным для последующего развития культурных исследований, было подчеркивание аффективного аспекта культуры как целостного образа жизни. Культура пронизана эмоциональными структурами (или «структурами ощущений» — «structures of feeling»), представляющими собой внутреннюю, переживаемую сторону культуры. Эти эмоциональные структуры могут выражаться в искусстве и литературе, однако в силу холисткого строя всей концепции Уильямса, последние нельзя понимать в ортодоксально-марксистском смысле как некоторое «отражение» базисных общественных процессов и структур. В своих более поздних работах Уильямс определял проект культурных исследований как попытку реконструкции отношений между элементами какого-то определенного всеобъемлющего образа жизни с помощью методов этнографии и «глу-

как он выражается, все еще обладала «изначальным пониманием высокой культуры».

68. *Williams R.* Culture and Society. P. 353.

бинного прочтения»[69], а также как выявление его эмоциональных структур на основе культурных артефактов.

Холисткое и органицистское представление о культуре, развитое в работах Хоггарта и Уильямса (выражаемое метафорами «естественного роста», «жизненного процесса» и т. д.) подверглось критике в работах Эдварда П. Томпсона, поборника написания «истории снизу». Его работа «Становление английского рабочего класса» как раз и представляет собой описание процесса формирования рабочего класса *как класса* в процессе проживания им собственной истории. Томпсон критически настроен как в отношении романтической ностальгии Хоггарта, так и, прежде всего, против холистского концепта культуры как «целостного образа жизни», разработанного Уильямсом. Центральной категорией, введенной Томпсоном в основополагающий канон культурных исследований, было понятие (классового) конфликта. При этом сам класс отнюдь не является продуктом определенных базисных общественно-экономических отношений (как в ортодоксальном марксизме), но возникает по мере формирования культурно-исторического самосознания, протекающего в форме конфликта и борьбы.

Культура — и в этом заключается основанная инновация Томпсона для всей последующей истории культурных исследований — это не «whole way of life», а «whole way of struggle» — не «целостный образ жизни», а «всеобъемлющая борьба». Культура не состоит из согласованных между собой элементов, но включает в себя конкурирующие элементы, прежде всего — «моральные установки» («moralities»). Конфликт существует не только между рабочим классом и буржуазией, но и внутри культуры самого рабочего класса, причем эта борьба внутри культуры никогда не является простым «спонтанным отражением» неких «объективных экономических отношений» — это «сознательная борьба идей и ценностей»[70]. Таким образом, вопросы культуры, согласно Томпсону, являются на сегодняшний день «действительно политическими темами» — центральными для анализа классового конфликта. Наконец, и на это уже обращалось внимание выше, Томпсон — в противоположность детерминистским версиям марксизма — делает акцент на активной роли людей как «акторов социальных изменений», вносящих в пространство «всеобъемлющей борьбы» культуры все свои моральные и политические ресурсы.

69. *Idem.* Innovationen. P. 50.

70. *Thompson E. P.* Commitment in Politics // Universities & Left Review. 1959. № 1 (6). P. 50–55.

В обратной исторической перспективе основополагающие работы Хоггарта, Уильямса и Томпсона дают основание для выделения ряда особенностей, принципиальных для последующей истории культурных исследований. Это снятие дихотомии высокой и низкой культуры, критическое отношение к детерминистской схеме «базис — надстройка» (и в целом к редукционизму); выдвижение культуры в центр исследовательского интереса как неотъемлемого аспекта социальной жизни; развитие исторических методов социального анализа; внимание к исторической семантике, трактовка культуры как пространства политического конфликта и борьбы. Все эти элементы в том или ином виде могут быть прослежены на всем протяжении развития культурных исследований как исследовательской программы. На трех моментах мы остановимся более подробно.

Во-первых, работы основоположников — это, прежде всего, исторические и социально-исторические исследования рабочего класса различного уровня — от элементов личной истории (как в случае Хоггарта), до макроистории современного (модернового общества) в работах Уильямса и Томпсона. Характерно, что эти социально-исторические исследования имели строго национальную — британскую — локализацию, что создавало определенные трудности конвертации этих исследований в международный контекст, но при этом придавало им детальную насыщенность и локальную коммуникативную интенсивность.

Во-вторых, здесь обращает на себя внимание специфический акцент на живом опыте — как в методологическом, так и в содержательном отношении. Понятие «культура» — как оно развивалось в основополагающих работах — обозначает некоторый неотъемлемый аспект социальной жизни, связанный с непосредственно переживаемым индивидами смысловым горизонтом этой жизни, а также живыми «эмоциональными структурами», что находит себе выражение как в методологии исследований, так и в подчеркивании значения индивидуальных акторов социальной жизни. Данная особенность культурных исследований в значительной степени определяет и выбор методологических инструментов исследования — это методы культурно-антропологического описания, сторонящегося больших теорий, и «понимающие методы» социокультурных исследований.

В-третьих, из континентальной перспективы нельзя не заметить, что описание культуры рабочего класса (в особенности у Хоггарта и Уильямса) выполняется в необычном дискурсивном ключе. В рамках доминирующей традиции описания становления современного индустриального общества, которую можно проследить у Маркса, Вебера, Тённиса и далее — в различных теориях «массы», речь в той или иной форме идет о том,

что доминирующим социально-культурным процессом современности является распад того, что можно назвать внутренними отношениями (характерными для «сообщества» — Gemeinschaft), и замена их характерной для «общества» (Gesellschaft) системой внешних отношений — отчужденных, рациональных и формальных, механических, основанных, если воспользоваться терминологией Георга Зиммеля, на принципе «Sachlichkeit», а не «Persönlichkeit». В описаниях же основоположников культурных исследований рабочий класс и пролетарская культуры выступают носителями как раз системы «внутренних» отношений, описываемых холистскими метафорами, — естественного роста, взаимопомощи, соседства, солидарности и т. д. Указанную особенность можно переформулировать в качестве открытого вопроса: является ли она следствием некоторой специфической британской констелляции (включая биографический опыт основоположников программы культурных исследований в Великобритании), или же перечисленные континентальные теории обладали своего рода слепым пятном, обусловленным опять же социальным происхождением их авторов, отличным от описанных выше биографических траекторий основоположников культурных исследований? Не претендуя на разрешение этого вопроса, зафиксируем тем не менее эту особенность британских исследований как значимую и принципиальную в контексте сравнения с доминирующей континентальной и производной от нее американской социальной теорией.

4.2. Формативная фаза

Формативная фаза развития программы культурных исследований приходится на 1960–1970-е годы и связана: 1) политически — с постепенным исчезновением с политической арены «первых новых левых» в Великобритании, 2) институционально — с деятельностью Центра современных культурных исследований в Бирмингеме под руководством Хоггарта и Холла[71], 3) теоретически — с активной критической рецепцией теоретических инструментов и уточнением концептуально-теоретического аппарата программы. Первые аспект новой фазы был рассмотрен выше. Остановимся на двух последних моментах.

Что касается истории возникновения Центра современных культурных исследований, то самым интересным ее моментом

71. С момента основания в 1963 до 1968 г. центром руководил Хоггарт. Холл пришел на работу в центр в 1964 г., и руководил им с 1968 по 1979 г. (до 1972 г. — в качестве заместителя, до тех пор пока не стало ясно, что Хоггарт, ушедший на работу в ЮНЕСКО, не станет возвращаться).

является то, что центр возник фактически на деньги частного спонсора — крупной книгоиздательской компании. Вот как описывает возникновение центра Стюарт Холл: «Когда я преподавал в Челси, я помог установить отношения Уильямсу и Хоггарту. Я организовал их первую встречу. Состоялась беседа, которая была опубликована в «Universities and Left Review». Они обсуждали „Культуру и общество“ и „Выгоды грамотности“. В то время Хоггарт решил оставить Лестерский университет и пойти профессором английской литературы в Бирмингем. Он хотел и дальше заниматься исследованиями, которые проводил в работе „Выгоды грамотности“, а не обычными исследованиями литературы. В Бирмингемском университете ему сказали: „Вы можете этим заниматься, но у нас нет денег, чтобы это поддерживать“. Хоггарт же в процессе работы над романом „Любовник леди Чаттерлей“[72] выступил на стороне издательства «Penguin Books», поэтому он пошел к директору издательства, сэру Аллену Лейну, и убедил его выделить какие-то деньги, чтобы основать исследовательский институт. Лейн давал Хоггарту несколько тысяч фунтов в год, которые «Penguin» могли вычитать из налогов, так как деньги шли на образовательные цели. Хоггарт решил пригласить кого-нибудь на эти деньги, чтобы курировать этот вопрос. Хоггарт читал «Universities and Left Review», «New Left Review» и «The Popular Arts» и полагал, что я буду подходящим человеком для этой работы — благодаря широте моих увлечений и интересу к телевидению, кино и популярной литературе, знанию дебатов о Ливисе и интересу к культурной политике. Так в 1964 г. я прибыл в Бирмингем и женился на Катерине [Нортгемптоншир], которая в том же году перебралась из Сассекса в Бирмингем»[73]. Мотивы, по которым Холл спустя пятнадцать лет, в 1979 г., покинул центр, уже были указаны выше. Остановимся теперь на некоторых основных формах деятельности центра, а также ключевых теоретических инновациях в этот период.

С начала своей работы Холл придавал большое значение работе с современными социальными и культурными теориями. Это совершенно «небританское» обращение к интенсивной работе с теоретическим материалом он называет «борьбой с ангелами»: «Единственная стоящая теория — это та, которой ты

72. Скандальный процесс проходил в Британии в 1960 г. на основании действующего в то время закона о непристойных публикациях и был выигран издательством «Penguin Books». На суде в качестве «свидетелей» выступили также Хоггарт и Уильямс. В 2006 г. о процессе был снят фильм BBC «The Chatterley Affair».

73. *Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen. S. 26–27.

должен противостоять, а не та, о которой можешь говорить с привычной ловкостью»[74]. По воспоминаниям Холла, на протяжении пяти-шести лет (этот период деятельности центра он называет «до-феминистическим») в центре занимались изучением всего теоретического поля «европейской мысли», включая немецкий идеализм, идеалистическую критику искусства, Вебера «от начала до конца», Д. Лукача, В. Беньямина, историю искусства, К. Мангейма. «Мы читали все это, — поясняет Холл, — чтобы попытаться найти какие-то альтернативы социологическим парадигмам функционализма и позитивизма, которые бы не были редукционистскими»[75]. Не осталась без внимания и американская традиция — этнометодология и символический интеракционизм, а также социальный конструктивизм. Напряженным и при этом весьма обогатившим культурные исследования был опыт обращения к французским марксистским и постмарксистским теоретикам — К. Леви-Строссу, Л. Альтюссеру, К. Барту, П. Бурдье, М. Фуко.

Следует также отметить заметное влияние на теоретические разработки центра идей Валентина Волошинова, а также — хотя и в меньшей степени — Михаила Бахтина[76]. Обращение к книге Волошинова «Марксизм и философия языка» в рамках семинаров центра происходило в 1970-е гг. Значение этой работы Холл оценивает необычайно высоко в контексте следующей проблемы: «Заново помыслить и проработать понятийные категории идеологии, идеологических механизмов и их определений в различных областях», — причем роль концепции Волошинова он оценивает здесь даже выше, чем влияние идей Грам-

74. *Idem.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 39.

75. *Idem.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen. S. 27–28.

76. Содержание и анализ основных моментов этого влияния изложены в статье Холла «Памяти Аллона Уайта. Метафоры трансформации» (*Idem.* Für Allon White. Metaphern der Transformation // Idem. Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument. S. 113–136. Первая публикация: 1993 г.). Здесь же содержится развернутый комментарий относительно ограниченности рецепции идей Волошинова и Бахтина в рамках культурных исследований — по причине, в первую очередь, того, что их работы не рассматривались как единый комплекс идей, требующий целостного прочтения. Это было связано с неопределенностью вопроса об авторстве текста «Марксизм и философия языка». «Рецепты Волошинова, которые мы читали „технически“, следовало изучать „интертекстуально“ — в контексте более широкой модели или метафоры социального изменения, в особенности же в связи с диалогическим принципом Бахтина и обширной темой „карнавала“» (Ibid. S. 125–126). Холл также отмечает, что, хотя на первый взгляд может показаться, что Бахтин имел более значительное влияние на теорию литературы, чем на культурные исследования, «отношения между ними намного теснее, чем многие себе представляют» (Ibid. S. 115).

ши. Поставленная проблема включала в себя ряд аспектов, в том числе — конкретизацию характера взаимосвязи между уровнем социального и символического. «Ключевым текстом была, без сомнения, работа В. Н. Волошинова „Марксизм и философия языка“, которая была опубликована на английском языке издательством «Seminar Press» в 1973 г. и оказала на нашу деятельность решающее и глубокое по своим последствиям влияние». Именно эта книга, продолжает Холл, «сыграла определяющую роль в общем теоретическом дистанцировании от тогда еще актуального заигрывания с пусть даже крайне модифицированной версией модели „базис-надстройка“ и в переходе к полноценной концепции идеологического, описываемой понятиями „дискурс и власть“»[77]. Значимость идей Волошинова и Бахтина для культурных исследований подтверждает как скрупулезное знание Холлом проблемы неопределенного авторства «Марксизма и философии языка», так и примечательная попытка выстроить прямую линию преемственности между Бахтиным и Центром современных культурных исследований. Отмечая необычайную близость Михаила Бахтина и его «*Alter Ego*» в молодые годы — старшего брата-погодки Николая Бахтина, Холл в деталях останавливается на биографии последнего в британской эмиграции: «Николай был не только членом кружка Витгенштейна в Кембридже, но и многие годы преподавал в Бирмингемском университете (1939–1950). В университете он оказался благодаря дружеским отношениям с двумя прежними коллегами по Кембриджу — Джорджу Томпсону, профессору классических языков, и профессору германистики Рою Паскалю. Последний же был хорошим другом и союзником Центра современных культурных исследований, он оказывал ему постоянную поддержку. Впоследствии он преподавал в Лингвистическом институте Бирмингемского университета»[78].

И все же наибольшее влияние на культурные исследования в целом и на самого Холла в частности оказала концепция Антонио Грамши — прежде всего, его теория гегемонии, но также целый ряд других аналитических инструментов и метафор. Кроме того, именно Грамши, по словам Холла, побудил сотрудников Бирмингемского центра «задуматься о наших собственных институциональных позициях и нашей интеллектуальной практике»[79]. К конкретизации задач этой институциональной и интеллектуальной практики я обращусь чуть позже, а пока остановимся на двух основных цезурах в деятельности центра.

77. Ibid. S. 124–125.
78. Ibid. S. 127.
79. *Idem.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 41.

Холл выделяет два основных «разрыва» в деятельности центра[80]: первый был связан с феминизмом, второй — с вопросами «расы»[81]. Оба эти разрыва, и Холл это особенно подчеркивает, вытекали не из какой-то внутренней логики развития исследовательской программы культурных исследований. В обоих случаях «теоретические моменты были порождены социальными движениями» — так же, как и в случае учреждения центра, наследовавшего политический импульс первых новых левых.

«Феминистская интервенция», считает Холл, была решающей для культурных исследований. Она реорганизовала все проблемное поле программы в пяти основных направлениях. Во-первых, приватное стало рассматриваться как политическое. Во-вторых, было радикально расширено понятие власти. В-третьих, обнаружилось решающее значение вопроса о гендере и сексуальности для понимания власти. В-четвертых, для научного исследования тех вопросов, которые считались разрешенными, открылось новое «опасное» пространство субъективности и субъекта. В-пятых, вновь была разомкнута граница между социальными науками и теорией бессознательного (психоанализом). Кроме того, высказывание о том, что эти «теоретические моменты были порождены социальными движениями» следует понимать буквально также в том отношении, что центр открыл свои двери для «хороших ученых-феминисток», но когда, как выражается Холл, «феминизм ворвался через окно»[82], это стало, как уже указывалось выше, новым опытом для самого Холла, который, в конечном счете, побудил его оставить

80. В данной периодизации я ориентируюсь на изложение Холла, но существуют и другие периодизации работы центра (*Marchart O.* Op. cit. S. 90–93; *Winter R.* Die Kunst des Eigensinns. Cultural Studies als Kritik der Macht. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2001. S. 74–95; *Turner G.* British Cultural Studies. An Introduction. Boston: Unwin Hyman, 1990). В частности, Марчарт выделяет три периода: изучение популярной культуры литературно-критическими методами (под руководством Хоггарта); поиск в рамках социологии подходящих методов и осуществление широкой рецепции современной социально-политической мысли; наконец, на третьем этапе разрабатывается проблема идеологии, происходит интеграция французского структурализма и теории гегемонии Грамши.

81. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 43. Базовые публикации центра, резюмирующие эти две основные тематические инновации, представлены в изданиях: Women Take Issue: Aspects of Women's Subordination. Women's Studies Group. Centre for Contemporary Cultural Studies (University of Birmingham). London: Hutchinson, 1978; в какой-то мере: *Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B.* Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order (Critical Social Studies). London; Basingstoke: Macmillan, 1978; The Empire Strikes Back. Centre for Contemporary Cultural Studies. London: Routledge, 1982.

82. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 44.

центр. Что касается проблематики расы, то работы, посвященные этничности и современным формам расизма, выдвинули Холла в число ключевых фигур при выработке политики мультикультурализма в Великобритании.

Далее мы сделаем отступление от линии прослеживания истории конституирования теоретического каркаса культурных исследований, чтобы задержаться на некоторых заметных тематических и политических проектах Стюарта Холла и его коллег в 1970–1990-х гг. Этот ракурс, выходящий за пределы периодизации развития программы культурных исследований, которой мы следовали выше, можно рассматривать как комплементарную перспективу по отношению к выбранной здесь стратегии структурирования материала, без которой, однако, настоящее изложение содержательно потеряло бы больше, чем того стоит принцип когерентности нарратива. Характеристика этих проектов позволит также понять, каким образом будет использоваться теоретический аппарат развитой программы культурных исследований для анализа макрополитических явлений.

В 1978 г. Стюарт Холл, Час Критчер, Тони Джефферсон и Джон Кларк публикуют исследование, посвященное анализу развернутой в британских СМИ компании по освещению молодежных уличных грабежей («mugging») — «Управление кризисом. Грабежи, государство, закон и порядок»[83]. Работа представляет собой анализ установления нового гегемонального порядка, в результате которого государственные аппараты контроля — СМИ, полиция, тюрьмы — отнюдь не просто реагируют на изменение криминальной ситуации (ухудшение которой не подтверждалось, кстати, статистикой) и «моральную панику» в обществе, но с опорой на них легитимируют свои собственные действия. Раскручивается «спираль сигнификации», ведущая, в конечном счете, к установлению общества «закона и порядка». Возникает специфическое дискурсивное смещение и переопределение социальных проблем общества — бедности и безработицы — в расистских терминах контроля над «черными», а затем посредством выстраивания определенной цепи семантических эквивалентностей, и «контроля над кризисом» в целом.

«Управление кризисом» вышло практически в год избрания на первый срок Маргарет Тэтчер, открывшей европейскую эпоху неолиберализма. Спустя десять лет Холл выпускает работу «Трудная дорога к возрождению: Тэтчеризм и кризис левых»[84], представляющую собой образцовый анализ тетчеризма

83. См.: *Hall et al.* Policing the Crisis.

84. См.: *Hall S.* The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left. London; NY: Verso, 1988.

(сам этот термин обязан своему распространению преимущественно Холлу) как формы «авторитарного популизма», не потерявшего своей актуальности до настоящего времени. Суть авторитарного популизма заключается в особой реартикуляции дискурса, в соответствии с которой обычный, «популярный» субъект противопоставляется властному блоку, но таким образом, что это противопоставление осуществляется авторитарной инстанцией самой власти. В результате устанавливается специфическая общность «маленького человека» и авторитарного полюса, направленная против таких противников как бюрократия и социальное государство всеобщего благосостояния. «Монополия, которой обладала социал-демократия в области государственного управления, позволила дискурсу тэтчеризма свести и объединить в качестве отрицательного полюса этатизм, бюрократию, социал-демократию и „ползучий коллективизм". Подобной репрезентации „властного блока" на положительном полюсе противопоставляются различные выжимки из частного индивидуализма, личной инициативы, „тэтчеризма" и свободы. Становится возможным представить лейбористов как подразделение „больших батальонов", которые выстраиваются против „маленького человека" (и его семьи), подавленного неэффективной государственной бюрократией. Таким образом социал-демократия связывается с властным блоком, тогда как г-жа Тэтчер остается вне его — „вместе с людьми". Это позволило тетчеризму нейтрализовать противоречие между народом и властным блоком»[85].

В качестве третьего проекта следует упомянуть серию исследований, основанных на схеме «циркуляции культуры» («circuit of culture»), разработанной в качестве базовой модели анализа культуры в Открытом университете. Эта модель представляет собой дальнейшую разработку концепции «кодирования/декодирования» Холла[86]. Некоторые итоги этого проекта были изложены в шести монографиях общей серии «Культура, медиа и идентичности», выпущенных в 1997 г.[87] Модель включа-

85. Ibid. P. 142.

86. Оливер Марчарт отмечает, что модель «циркуляции культуры» не претендовала на статус новой основополагающей социальной теории (в частности потому, что служила реализации эвристических и педагогических целей в рамках учебного курса), тем не менее она содержит фундаментальные социально-теоретические импликации, является «скрытой моделью общества» (*Marchart O.* Op. cit. S. 226–227).

87. Серия была выпущена издательством «Sage Publications»: Production of Culture/Cultures of Production/P. Du Gay (Ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997; *Du Gay P., Hall S., Janes L., Mackay H., Negus K.* The Story of the Sony Walkman. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997; Rep-

ет в себя пять сквозным образом взаимосвязанных элементов: продукцию, потребление, регуляцию, репрезентацию, идентичность. Какой бы из этих элементов ни был выбран для исследования, он включает в себя отсылки ко всем прочим. Согласно базовой гипотезе, используемой в этой модели, любой культурный или медийный артефакт является проанализированным достаточным образом, если анализу подверглись все эти пять основных элементов[88]: репрезентация (каким образом публично представлен этот культурный артефакт) — идентичность (каким образом в своем употреблении или в рамках культурных практик он способствует конституированию социальных идентичностей) — продукция (откуда он берется, каков, в частности, экономический бэкграунд его возникновения) — потребление (каковы способы его употребления) — регуляция (какие институциональные и структурные условия определяют его циркуляцию, какому налоговому контролю он подчинен). Возможно, самый известный пример циркуляционного анализа культурного артефакта — работа, посвященная плееру Sony Walkman[89]. Данная модель, на мой взгляд, требует самого пристального внимания и является более систематически и эвристически сбалансированной, чем многие аналогичные концепции второй половины XX в., делающие преимущественный акцент на одном или некоторых аспектах культурных артефактов — производстве, потреблении, медийной репрезентации и т. д.

Если вернуться к теоретическому аспекту формативной фазы, то, говоря обобщенно, она характеризуется ретроспективным выстраиванием в культурных исследованиях собственного теоретического канона, обозначаемого как «культурализм» в ходе полемического размежевания со «структурализмом»[90] (пришедшим из Франции, но перехватившим, как об этом говорилось выше, влияние у культурализма среди «вторых новых левых» Великобритании). Общая линия критики структурализма и постструктурализма строилась на акцентировании таких его отрицательных особенностей, как аисторичность, чрезмерная абстрактность и формализм. Резюмирующая работа этой

resentation: Cultural Representations and Signifying Practices/S. Hall (Ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997; Consumption and Everyday Life/H. Mackay (Ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997; Media and Cultural Regulation/K. Thompson (Ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997; Identity and Difference/K. Woodward (Ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1997.

88. *Marchart O.* Op. cit. S. 226.

89. См.: *Du Gay et al.* The Story of the Sony Walkman.

90. В рамках этой дискуссии понятие «структурализм» объединяет как структуралистские, так и постструктуралистские концепции.

дискуссии — статья Холла «Культурные исследования: две парадигмы» (опубликована в 1980). Она публикуется в настоящем номере «Логоса», и в данном случае можно непосредственно адресовать к ней читателя, не останавливаясь на изложении деталей. Столь же принципиальной является и другая публикуемая в этом номере работа Уильямса «Базис и надстройка в марксистской теории культуры», которая излагает основные положения его самостоятельной концепции так называемого культурного материализма — являющейся, пожалуй, последней значительной попыткой теоретического развития культурализма.

Общей особенностью этих зрелых разновидностей теоретической программы культурных исследований является эксплицированный «лингвистический поворот» программы: «„Культура“ организована „как язык“», — решительно заявляет Холл[91].

На основании указанных работ Уильямса и Холла и приведенной характеристики ряда основных проектов британских культурных исследований 1970–1990-х гг. также не трудно заметить, насколько значительным ресурсом обновления теоретического и концептуального аппарата культурных исследований оказалась концепция Грамши. Если говорить о ключевых моментах — то это уже упомянутая теория *гегемонии* и ее реализации в рамках политико-идеологического процесса *артикуляции*, метафора *позиционной войны* в пространстве *гражданского общества*, концепция интеллектуалов, а также инкогерентного, несогласованного *здравого смысла* (senso comune) — своего рода «философии толпы». Каждый из этих теоретических узлов концепции Грамши играет заметную роль в зрелой исследовательской и политической программе культурных исследований, Грамши выступает как своего рода опосредующее звено[92] между культурализмом и структурализмом (постструктурализмом).

Именно в терминах концепции интеллектуалов Грамши в конечном счете Холл рефлексивно определял и смысл интеллектуальной работы Центра современных культурных исследований, состоявший в попытке «в рамках культурных исследований развить такую интеллектуальную практику, которая бы могла производить органических интеллектуалов»[93]. Однако, как

91. *Hall S.* The Hinterland of Science: Ideology and the «Sociology of Knowledge» // On Ideology/Centre for Contemporary Cultural Studies (Ed.). London: Hutchinson, 1980. P. 26. Этот тезис, разумеется, накладывает определенные ограничения на использование теоретического аппарата культурных исследований в рамках современного «визуального поворота».

92. *Winter R.* Op. cit. S. 92.

93. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 41. Понятие «органический интеллектуал» задается следующим определением Грамши: «Всякая социальная группа, рождаясь на исконной почве экономическо-

продолжает Холл, «мы были органическими интеллектуалами, не имеющими никакой органической привязки; органическими интеллектуалами, полными ностальгии, воли и надежды… что мы, благодаря нашей интеллектуальной работе, когда-нибудь будем готовы к такой привязке, если когда-то возникнет подходящая конъюнктура. Или, иначе говоря, мы были готовы симулировать или моделировать эту привязку ввиду ее отсутствия: „Пессимизм интеллекта, оптимизм воли“».

Следует, однако, заметить, что эти ожидания себя фактически не оправдали. Как замечает Холл в другом месте: «Центр был оранжереей. Умные студентки и студенты писали там свои диссертации. В качестве органических интеллектуалов они хотели связать себя с каким-нибудь широким движением, но сами они представляли высший уровень очень селективной системы образований»[94]. Иными словами, интеллектуально-политическая программа центра, которую можно свести к выращиванию органических интеллектуалов в грамшианском смысле, так и не была реализована.

Переход Холла в 1979 г. в Открытый университет — институцию, специализирующуюся в то время на дополнительном образовании для взрослых — можно рассматривать в том числе как следствие неудачи этой программы выращивания органических интеллектуалов в университетских стенах, как стремление вынести исследовательскую программу культурных исследований в пространство, где у нее было больше шансов для соприкосновения с внеуниверситетской социальной реальностью и где она тем самым имела возможность более непосредственным образом реализовать свою политическую составляющую. Сам Холл комментирует это следующим образом: «В этом открытом, междисциплинарном, неконвенциональном учреждении, могли бы реализовываться некоторые из тех целей, которые ставило себе мое поколение, — говорить с обычными людьми, с женщинами и с чернокожими студентками и студентами вне университетских целей. Это служило некоторым политическим целям. Кроме того, я считал, что это также дает возможность перенести чрезвычайно сложную парадигму культурных

го производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание своей собственной роли не только в экономике, но также в социальной и политической области» (*Грамши А.* Избранные произведения: В 3 т. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. Т. III: Тюремные тетради. С. 457). Подробный анализ концепции интеллектуалов Грамши см.: *Дмитриев Т.* Антонио Грамши // История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 207–228.

94. *Hall S.* Die Formierung eines Diaspora-Intellektuellen. S. 30.

исследований, которая сформировалась в тепличной атмосфере центра, на более повседневную почву, так как курсы Открытого университета были открыты для людей без академического образования. Если мы хотели принести туда идеи культурных исследований, то их надо было переводить, надо было быть готовым к тому, чтобы писать на этом более популярном, доступном уровне»[95]. Упомянутое здесь стремление избежать академической эзотеризации, часто маскирующей просто неспособность писать доступно, отмечают как позитивный момент также и критики культурных исследований: «Писать плохо — это повальная болезнь современной академии; тем не менее энтузиасты культурных исследований, в отличие от деконструктивистов, по крайней мере понимают важность письма, доступного для тех, кто не прошел инициацию»[96].

На этом институциональном эпизоде, можно сказать, заканчивается интенсивное теоретическое и институциональное развитие ядра британских культурных исследований, которое было здесь рассмотрено в своих основных чертах. После этого начинается фаза экстенсивного движения — ширящейся популярности и академического тиражирования различных элементов программы, достигших своей кульминации в начале 1990-х гг. (чем это закончилось в 2000-х гг. — в том числе для самого бирмингемского центра — было уже указано выше). Прослеживание этого движения далее компактным образом невозможно: культурные исследования превращаются, по выражению Холла, в «дискурсивную формацию в смысле Фуко»[97] — с расплывчатыми границами по отношению к другим теоретическим и исследовательским течениям. Из важных особенностей, которые отличали культурные исследования в лице их лидера — Стюарта Холла — в интеллектуальной атмосфере 1980–1990-х гг., отмечу только то, что он весьма критически относился к такому явлению, как постмодернизм (в особенности здесь показателен текст, составленный Л. Гроссбергом из серии интервью с Холлом[98]). Для Холла теоретики постмодернизма, с одной стороны, недооценивают сложности модернизма, каковой «всегда состоял из многих различных проектов, которые никогда не способны к полной интеграции и не являются гомогенными, часто, напротив, находятся в конфликте между собой». Кроме того, постмодернистская пер-

95. Ibidem.
96. *Wolfe A.* Op. cit. P. 26.
97. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies. S. 34.
98. См.: *Idem.* Postmoderne und Artikulation // *Idem.* Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt. Ausgewählte Schriften 3. Hamburg: Argument, 2000. S. 52–77. Интервью 1985 г.

спектива является перспективой «сверхразвитого запада»: «Три четверти человеческой расы даже еще не вступили в эпоху, которую мы считаем „реальностью“». «Я не хочу утверждать, — продолжает Холл, — что новые дискурсы и отношения между теми вещами, которые мы на западе называем „модернизмом“, в 1980 г. являются такими же, как в 1900 г. Но я не назвал бы ничего такого, что переживаем сейчас и что бы полностью, тотально отличалось от того, что происходило тогда на рубеже веков. <…> Я не верю в то, что есть какая-то такая совершенно новая и при этом единая вещь, как состояние постмодерна. Это всего лишь еще одна версия той исторической амнезии, которая типична для американской культуры, — это тирания нового»[99]. Ориентация на модерн как базовую категорию современного общества сохраняется и в позднейших проектах Холла[100].

5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кис Баркер выделяет следующий основной набор ключевых тематик культурных исследований в их полном развитии[101]:

- язык и материальное (проблематика нередуцируемости (языковой) культуры к материальному базису);
- текстуальный характер культуры («культура организована как язык», проблема значения (точнее — смысла), кодирования и декодирования смыслов);
- локализация культуры (проблематика локальных границ и пространств культуры восходит к Реймонду Уильямсу и находит продолжение, например, у такого теоретика постколониальных исследований, как Хоми Баба);
- проблема возможности изменений в культуре (увязанная с возможностью политических изменений, подразумеваемых программой культурных исследований);
- рациональность и ее границы (исследования нерациональных аспектов культуры, начиная с «эмоциональных структур» Уильямса, затем — с привлечением различных версий психоанализа; проблема статуса знания и его связи с порядком власти (Баркер активно ссылается при этом на Фуко));
- проблема характера истины (под этим понимается проблема рефлексии оснований для справедливой культур-

99. Ibid. S. 54–55.
100. См.: Modernity: An Introduction to Modern Societies/S. Hall, D. Held, D. Hubert, K. Thompson (Eds). London: Wiley-Blackwell, 1996.
101. *Barker C.* Op. cit. P. 25–30.

ной политики, связанных с различными представлениями о том, какой тип истины мы получаем в рамках исследований общества и культуры).

Эта характеристика американского исследователя не представляется мне удачной в силу того, что в рубрику «культурных исследований» подпадает здесь широкий ряд других теоретических явлений — от французских постструктуралистов до работ Ричарда Рорти, культурные исследования сливаются здесь с различными «постмодернистскими» направлениями — что противоречит базовым установкам того же Стюарта Холла. Более сконцентрированная на ядре программы типология О. Марчарта, который группирует все направления «зрелых» культурных исследований в три основных блока[102]:

- Исследования субкультур (молодежные, альтернативные, суб- и клубные культуры);
- Медиа-исследования (культура, коммуникация и политика сигнификации);
- Дискурс и идентичность («раса», класс, гендер и т. д.).

В рамках данной статьи я остановлюсь только на направлении исследований молодежной культуры (молодежных субкультур) для прояснения динамики исследовательской и политической составляющей в этой конкретной тематической области культурных исследований. Это тем более оправданно, что в глазах значительной части представителей культурных исследований 1970-х гг. молодежные субкультуры в какой-то мере взяли на себя протестную роль пролетариата. Хотя с ними и не связывали радикальных революционных ожиданий, они все же рассматривались как «аутентичные представители способности к сопротивлению»[103]. Тем более интересно проследить, насколько оправдали себя эти надежды[104].

5.1. молодежные субкультуры

Формирование проблематики субкультур в исследованиях культуры восходит к концу 1950-х гг. и связано с идеей Холла о том, что вовлечение молодежи в деятельность лейборист-

102. *Marchart O.* Op. cit. S. 95 ff.
103. Ibid. S. 115.
104. Далее я в основном опираюсь на схему реконструкции узловых моментов развития субкультурных исследований, предложенную Оливером Марчартом (Ibid. S. 95–130).

ской партии позволит придать ее политике более радикальный характер. Согласно Холлу, несмотря на коммерциализацию («„Adolescence“ becomes a business»), молодежь далеко не деполитизирована: ее активное участие в движении за ядерное разоружение он характеризует как «наиболее значительный политический факт со времен начала холодной войны»[105]. С одной стороны, экономический бум 1950-х превратил молодежь в самостоятельную экономическую группу, создав условия не только для коммерциализации молодежной культуры, но и для эмансипации ее образа жизни в 1960-е гг.[106] С другой стороны, досуг и свобода, которыми стала располагать молодежь, имеет свою обратную сторону. Их наличие указывает на отчуждение молодежи от забот, связанных с трудовой занятостью, семьей и планированием будущего, в силу отсутствия у нее всякой реальной общественной власти. Поэтому именно молодежь обнаруживает высокую чувствительность к мнимому характеру декларируемой капиталистическим обществом свободы. В этой политической перспективе изучение молодежных субкультур становится одним из центральных направлений деятельности Центра современных культурных исследований в период с середины 1960-х и до конца 1970-х гг. Эти работы сделали культурные исследования популярными за пределами Британии и заявили о существовании Бирмингемской школы в международном контексте. Школообразующей для этого направления стала книга под редакцией Стюарта Холла и Тони Джефферсона «Сопротивление посредством ритуалов», вышедшая в 1976 г.[107], комбинирующая — в концептуальной части — теоретические основы идеологии Л. Альтюссера и концепцию гегемонии А. Грамши.

В методологическом отношении изучение молодежных субкультур представляет эмпирически фундированное этнографическое и социологическое исследование популярной культуры, выходящее далеко за пределы литературо-центристской методологии в духе Хоггарта и основанное, в частности, на рецепции тематически релевантных разработок чикагской школы символического интеракционизма.

В рамках самой школы культурных исследований инициирующей и образцовой работой по молодежной культуре стала

105. *Hall S.* Politics of Adolescence? // Universities & Left Review. 1959. № 1 (6). P. 4.

106. Об истории и факторах превращения британской молодежи в субъект и объект политики см., в частности: *Frith S.* Sociology of Rock. London: Constable, 1978.

107. См.: Resistance through Rituals. Youth Subcultures in Post-war Britain/S. Hall, T. Jefferson (Eds). London: Routledge, 1976.

статья Фила Коэна «Субкультурный конфликт и сообщество рабочего класса»[108]. Появление Коэна в Бирмингеме носило эпизодический характер, он вовсе не принадлежал к академической культуре, послужив для нее одним из тех «внешних импульсов», которым Холл придавал столь большое значение в работе центра[109]. Долгие годы он был социальным активистом Лондонской городской коммуны (London Street Commune), занимавшейся проблемами безработной и бездомной молодежи.

Основная идея Коэна заключалась в том, что молодежные субкультуры выражают те противоречия, которые скрываются в их «родительской культуре» и которые молодежь, в свою очередь, стремится разрешить «магическим образом». В частности, молодежные субкультуры самыми различными способами пытаются сохранить момент социальной солидарности, фактически утраченной в их родительской классовой культуре (здесь довольно хорошо прослеживается историческая преемственность тезисов Коэна работам Хоггарта и Уильямса). Это достигается, среди прочего, комбинацией символических элементов разных классов и групп. Символическая природа субкультур проявляется в одежде, музыке, жаргоне и ритуалах, причем в эти символы и ритуалы вписаны также определенные властные отношения, существующие в обществе.

Консолидированная на основе пионерской работы Коэна программа «сопротивления посредством ритуалов» строилась на предположении о том, что за различными символическими атрибутами и практиками молодежных субкультур стоит определенная «глубинная структура», отражающая базисные проблемы и конфликты «родительской культуры» (так называемая экспрессивная модель субкультуры). Тем самым эта программа сохраняла определенную преемственность классическим формам марксистского анализа идеологии и культуры: в основе субкультурных феноменов лежат базовые классовые культуры, прежде всего, пролетарская и буржуазная. Разработчики концепции «сопротивления посредством ритуалов» вводят понятие «карт значения» («maps of meaning»), которые позволя-

108. См.: Sub-Cultural Conflict and Working Class Community // Working Papers in Cultural Studies. 1972. № 2. P. 5–52.

109. Томас Кроу в своей рецензии на новое издание работ Коэна (*Cohen P.* Sub-Cultural Conflict and Working Class Community // Working Papers in Cultural Studies. 1972. № 2.) замечает, что с его приходом в Центре современных культурных исследований появился человек без специальной академической подготовки, способный «взломать код» молодежного языка, который не понимали даже Холл и его сотрудники, обладающие утонченными навыками интерпретации (*Crow T.* Substance over Style—Artist Phil Cohen's Rethinking the Youth Question // ArtForum. October 1997. XXXVI.).

ют носителям данной культуры «понимать окружающие их вещи»[110]. «Карты значений» — это не только ментальная особенность носителей культуры, они объективируются в рамках определенной социальной организации и системы отношений, позволяющих индивиду быть «социальным индивидом». В работе активно используется язык Грамши, в частности, разрабатывается типология «культурной власти», которая включает три идеально-типические формы отношений: группы могут находиться между собой в отношении «оппозиции»; одна группа может занимать по отношению к другой позицию «доминирования»; или, наоборот, находится в отношении «подчинения». Доминирующая культура всегда обладает большими ресурсами для легитимации собственных «карт значения», что приводит к их натурализации и универсализации: доминирующая культура стремится представлять себя в качестве универсальной — в единственном числе. Доминирующая культура стремится к созданию ненасильственного консенсуса: предупреждая возможные конфликты, она нацелена на производство всеобщего согласия.

Активность субкультур проявляется в том, что посредством символов и ритуалов они формируют собственные формы идентичности, отличающие их от других культур и социальных групп. Для этого используются наличествующие на рынке продукты и символы, которые особым образом рекомбинируются — в соответствии с логикой «бриколажа», описанной Леви-Строссом применительно к примитивным культурам. Отдельные элементы субкультурного стиля — каковы бы они ни были по своему изначальному замыслу и назначению — семантически переопределяются и получают новое смысловое наполнение в рамках новой целостной субкультурной системы обозначений. Соответственно, стиль представляет и определяет идентичность субкультурной группы, он задает границы внутренней общности, защита которой может принимать в том числе брутальные формы (как, например, в случае скинхедов). По мысли Коэна, эта стилевая и ритуальная стратегия представляет собой, в конечном счете, практику «магического разрешения» действительных проблем — как внешних (отношения с доминантной культурой), так и внутренних (безработица), которые переводятся в воображаемую плоскость и выносятся в сферу досугового времени. Авторы работы «Сопротивление посредством ритуалов» не преувеличивали протестных возможностей субкультур. На-

110. *Clarke J., Hall S. Jefferson T., Roberts B.* Subcultures, Cultures and Classe: A Theoretical Overview // S. Hall, T. Jefferson (Eds). Resistance through Rituals. Youth Subcultures in Post-War Britain. London: Routledge, 1976. P. 10.

против, настаивали на том, что «не существует никакого „субкультурного решения“ для проблем безработицы рабочей молодежи, диспропорций в образовательном секторе, „вынужденного недополучения образования“, занятости и возможностей карьерного роста, рутинизации и специализации труда, низкой зарплаты и обесценивания квалифицированного ручного труда»[111].

Парадигма «сопротивления посредством ритуалов» позднее дифференцировалась в двух основных направлениях: этнографическое, представленное вначале Полом Уиллисом, а также более известное «культур-популистское» направление, главным представителем которого считается Дик Хебдидж. В сравнении с Холлом и другими авторами «Сопротивления посредством ритуалов» Хебдидж более оптимистически оценивал протестный потенциал субкультурных стилей — отсюда и распространенная критическая квалификация его работы как популистской.

В 1978 г. Пол Уиллис выпускает работу «Профанная культура»[112], написанную с использованием методов включенного наблюдения, интервью и групповых дискуссий. В ней анализировалась культура рокеров и хиппи. «Профанная» субкультура противопоставляется Уиллисом «сакральной» культуре, под чем понимается, прежде всего, сакрализованная фигура мелкого буржуа с его ритуализированными привычками и упорядоченными практиками. Субкультуры профанируют сакральную последовательность «нормальной» буржуазной жизни «birth — school — work — death», отрицают строгое буржуазное деление сфер семьи, труда и досуга. Функция демонстративного нарушения устоев сакрализованной мелкобуржуазной культуры, которую выполняют профанные субкультуры, заключается в том, что они практикуют альтернативные формы существования, исключающие тем самым убеждение в наличии одной-единственной правильной формы.

Кроме того, Уиллис анализирует стилистический смысл изучаемых им субкультур. Так, субкультура рокеров построена вокруг ядра «онтологической надежности», исключающей всякую возможность потери контроля над своим миром (отсюда и отказ от потребления наркотиков). Мускулинный стиль рокеров является выражением стремления к сохранению всестороннего контроля над собственной жизнью и поступками, символом чего является, прежде всего, собственное средство передвижения — мотоцикл. Страх утраты контроля проецируется, в свою очередь, на внешний мир, получая выражение, в част-

111. Ibid. P. 47.
112. См.: *Willis P.* Profane Culture. London: Routledge & Kegan Paul, 1978.

ности, в расистских и антиэмигрантских настроениях рокеров. Эта субкультура имеет отчетливо выраженный консервативный профиль, представляя собой модифицированный взгляд на мир ее родительской культуры — «респектабельного рабочего класса».

Субкультура хиппи, напротив, связана по своему происхождению со «средним классом». Здесь широко развито потребление наркотиков: хиппи меньше всего озабоченны потерей контроля над собой. Культура хиппи центрирована на ценности субъективного опыта, идеале индивидуалистического, но при этом гармоничного органического общества (отсюда и романтический мотив «назад к природе»).

Политический потенциал субкультур Уиллис оценивает весьма сдержанно: последние не способны выйти за пределы культурных форм в направлении какой бы то ни было политической активности или борьбы за власть, изменить базовые общественные институты или бросить им вызов. С другой стороны, это все же не означает для Уиллиса, что субкультуры не имеют вообще никакого политического значения. В форме стиля и живых практик они демонстративно предъявляют критику внутренних противоречий капитализма. При этом критика общества, которая в большей мере переживается субкультурами, чем вербализируется, обнаруживает культурное банкротство политических левых, которые не могут предложить им никакой политической программы в малом и повседневном.

Главная работа в рамках второго из указанных выше основных направлений — «Субкультура. Значение стиля» Дика Хебдиджа[113]. Эта книга, по мнению многих последующих критиков, стимулировала завышенные ожидания относительно потенциала сопротивления молодежных субкультур. С другой стороны, исследование Хебдиджа может быть прочитано и как руководство по успешной коммерциализации молодежной субкультуры: «Идея Коэна, — отмечает Кроу, — трансформируется здесь в руководство для тех, кто хочет экспортировать и повторить успех британской поп-машины»[114].

Предметом исследования Хебдиджа были, прежде всего, культура панков и растафари, а также ряд экскурсов в другие молодежные субкультуры. Подобно другим представите-

113. См.: *Hebdige D.* Subculture. The Meaning of Style. London: Methuen, 1979. Перевод фрагментов работы на русский язык: *Хебдидж Д.* Главы из книги «Субкультура: значение стиля» // Теория моды. Зима 2008–2009. № 10. С. 128–175. Считается самой успешной и продаваемой книгой, когда-либо выходившей из круга культурных исследований.

114. *Crow T.* Op. cit. P. 15–16.

лям культурных исследований, Хебидж подчеркивает политический характер использования знаков в культуре: «Борьба между различными дискурсами, различными определениями и значениями внутри идеологии является, таким образом, борьбой за сигнификацию: борьбой за обладание знаками, которая распространяется на банальную сферу повседневной жизни»[115]. В отличие от авторов работы «Сопротивление посредством ритуалов» Хебидж уделяет большее внимание субкультурной знаковой политике и ее укорененности в масс-медийном обществе спектакля. Вслед за Роланом Бартом Хебидж подчеркивает, что культурный стиль подвержен постоянному изменению и включает «гетерогенный ряд означающих, которые в каждый момент вытесняются другими, не менее продуктивными означающими»[116]. Таким образом, Хебидж приходит к выводу о произвольности тех означающих, из которых складывается, в частности, стиль панков. Субкультурный стиль непостижим и непрозрачен по своему смыслу. Субкультуры производят в медиа специфический эффект — «шум» («noise»), хаос и помехи, блокируя доминирующую систему репрезентации и бросая вызов согласию «молчаливого большинства». Доминирующая культура принуждается тем самым к постоянному усилию, направленному на присвоение культуры сопротивления, — в противном случае возникает риск утраты иллюзии социального согласия. Это процесс включения субкультур в доминантную культуру осуществляется в двух формах: в форме коммерциализации — путем включения субкультурных символов в массовое потребление и массовое производство, а также в форме переопределения доминантными группами отклоняющихся типов поведения посредством полиции, СМИ или правой системы, т. е. в данном случае речь идет не о коммерческой интеграции, а о семантико-идеологической. Если кратко резюмировать этот культур-популистский вариант анализа, то получается, что субкультурный стиль выражает, в конечном счете, фундаментальное противостояние между доминирующей властью и подчиненной культурой («subaltern»).

Критическую позицию по отношению к подобным интерпретациям, равно как и к более ранним тезисам авторов «Сопротивления посредством ритуалов», эксплицитно формулируют так называемые постсубкультурные исследования и некоторые предшественники этого направления. В частности, такую позицию занял Стив Рэдхэд, один из основателей Института популярной культуры в Манчестере. Его тезис заключается в том,

115. *Hebdige D.* Op. cit. P. 17.
116. Ibid. P. 126.

что представление об «аутентичности» субкультур производится самими описывающими их теориями[117]. Бирмингемская модель — как и некоторые другие теории девиантного поведения — исходят из сомнительной схемы наличия некоторое «реальной», аутентичной субкультуры, которую скрывают искажающие ее образы медийной репрезентации (тем самым формулируется критический аргумент, согласно которому культурные исследования неявно основаны на эссенциалистских предпосылках). На отдельных примерах Рэдхэд показывает, что реакция в СМИ на появление новых молодежных стилей первоначально не указывала на наличие какого бы то ни было «шума» связанного с ними, подобные оценки появляются только постфактум[118]. Рэдхэд полагает, что субкультура — это гибридная смесь синтетической фабрикации и аутентичности. Современное состояние субкультур не следует расценивать как результат того, что изначально революционно-протестные по своему характеру молодежные культуры были инокорпорированы в доминирующую конформистскую, «продажную» поп-культуру. «Контркультуры» несамостоятельны, неотделимы от мейнстримных дискурсов, в частности, поп-культуры, зависят от их авторитета и производятся ими.

С критикой «глубинной структуры» Рэдхэда солидаризовался и известный исследователь молодежной музыкальной культуры Саймон Фрит, критикуя концепцию гомологии Уиллиса, согласно которой между положением социальной группы и ее производными субкультурными продуктами существует отношение гомологического подобия. Музыкальное направление, согласно Фриту, не выражает, а производит идентичность: «Социальные группы не сходятся в каких-то ценностях, которые они затем выражают в своей культурной активности (таково было предположение гомологической модели), но они впервые конституируются как группы (как определенная организационная форма индивидуальных и социальных интересов, наделенная идентичностью и различием) благодаря культурной активности, в силу эстетических суждений. В музыкальной практике не выражаются какие-то идеи, они лишь представляют возможность пережить эти идеи»[119].

117. См.: *Redhead S.* The End-of-the-Century Party. Youth and Pop towards 2000. Manchester; NY: Manchester University Press, 1990.

118. В частности, Рэдхэд прослеживал появление стиля «Acid House», заявившего о себе на фестивале «Summer of Love» (1988).

119. *Frith S.* Musik und Identität // J. Engelmann (Hg.) Die kleinen Unterschiede. Der Cultural Studies-Reader. Fr.a.M.; NY: Campus, 1999. S. 154.

Эту линию критики Бирмингемской школы в определенном смысле довела до логического конца работа Сары Торнтон (ученицы С. Фрита) «Клубные культуры. Музыка, медиа и субкультурный капитал»[120]. Согласно Торнтон, называющей свой подход пост-бирмингемским, допущение об антимейнстримной (антидоминантной) направленности молодежных субкультур обнаруживает больше соответствия политической программе культурных исследований и их ожиданиям, чем фактической социальной практике субкультур. Торнтон проводит анализ дискурса ранних субкультурных исследований и показывает, что тот построен на ряде бинарных оппозиций, позволяющих проводить символическую границу «мы» — «они». К группе «мы» относится то, что является альтернативным, независимым, аутентичным, бунтарским/радикальным, связано со сложными музыкальными жанрами, обладает глубинным знанием, репрезентирует меньшинство, является гетерогенным, молодым, бесклассовым, а также имеет признаки мускулинности. «Они», соответственно, связаны с мейнстримом, являются коммерческими, фальшивыми и неподлинными, конформистскими и консервативными, связаны с доступной поп-музыкой, обладают только поверхностной и легко доступной информацией, представляют большинство, являются гомогенными, связанными с семьей, с классовыми характеристиками и, наконец, обладают признаками женской культуры.

Согласно Торнтон, субкультуры, напротив, не являются протестом или некоей альтернативой доминантной культуре, но лишь создают новые формы культурной иерархии, в которых воспроизводятся, а вовсе не разрешаются (пусть и воображаемым образом) противоречия их родительских культур. Аутентичность не является некоей первоначальной особенностью субкультуры, которая затем лишь утрачивается вследствие коммерциализации. Аутентичность — это продукт, производимый медийной средой субкультур и включающий в себя как массовые СМИ, так и нишевые медиа молодежной индустрии, а также разнообразные фанатские журналы (fanzines). Для анализа субкультур Торнтон адаптирует и модифицирует категорию культурного капитала Бурдье, вводя понятие «субкультурный капитал», назначение которого — придавать его владельцу определенный статус в релевантной субкультурной группе. Если книги и картины в семейной квартире представляют традиционный культурный капитал, то субкультурный капитал имеет свои собственные формы — коллекция дисков, особый вид знания,

120. См.: *Thornton S.* Club Cultures: Music, Media, and Subcultural Capital. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1996.

заключающийся в способности разъяснить какие-то элементы субкультуры, хорошие контакты с клубным сообществом, внешний вид и манера одеваться, жаргон и т. п. Субкультурный капитал может при удачном стечении обстоятельств конвертироваться в капитал экономический и культурный — в том смысле, как они были описаны Бурдье. Но и в рамках самой субкультуры существует набор своего рода профессиональных позиций, открывающий определенный простор для карьеры — музыкальный журналист, организатор клубной жизни (clubbing) и т. д.

Субкультурный капитал, который, таким образом, по механизму своего функционирования не слишком отличается от культурного капитала мейнстрима, производит также собственную систему исключения и неравномерного распределения. Если видимая «инстанция власти» олицетворяется охранником на входе в клуб, то подлинные линии исключения и габитусной таксономии субкультур менее заметны и почти неосознаваемы. В особенности важную функцию исключения играет воображаемая аутентичность — прежде всего, по отношению к внешнему мейнстриму, но она задействована также и в производстве различий внутри субкультурной группы. Таким образом, Торнтон считает фикцией идею особой субкультурной общности, которая размывает все возможные границы — сословные, гендерные и т. д. (в духе «Come together!»). Не отменяет клубная субкультура и классовых различий — разделительные линии здесь перекодируются, но не исчезают вовсе. Даже ключевой признак субкультурной идентичности — «молодость» — дифференцируется и производит иерархические различия. «Субкультурный капитал — подытоживает Торнтон, — это ось и опора альтернативной иерархии, в которой все понизано осями возраста, пола, сексуальности и „расы“, чтобы по возможности вытеснить признаки класса, дохода и профессии»[121].

Добавим, что критические замечания Д. Хесмондаля[122] и О. Марчарта в адрес исследования Торнтон подчеркивают, что избранная ею перспектива игнорирует государственную молодежную политику, а также медийный образ неконтролируемой молодежи, формирующий «моральную панику»[123] в современном обществе. Игнорируется, таким образом, макрополитиче-

121. Ibid. P. 105.

122. См.: *Hesmondhalgh D.* The Cultural Politics of Dance Music // Soundings. 1997. № 5. P. 167–78.

123. «Моральная паника» — понятие, введенное Стенли Коэном (См.: *Cohen P.* Op. cit. P. 5–52), активно использовалось в разработках бирмингемского центра для анализа «кризисной политики» — инструмента установления доминирующего политического консенсуса в Великобритании. Подробнее см.: *Hall et al.* Policing the Crisis.

ский контекст существования молодежных субкультур: «Может ли практика данной субкультуры приводить к политическим или протестным эффектам, нельзя понять, занимаясь этой субкультурой, это можно проанализировать, лишь обращаясь к фоновой (анти) — гегемонистской формации, частью которой она является»[124]. Данное замечание Марчарта, впрочем, отсылает к его концепции оживления политической составляющей программы культурных исследований путем возвращения в нее макрополитической перспективы (в том числе путем обращения к политическим наукам, которые никогда не входили в список ближайших дисциплинарных интересов культурных исследований). За более подробными разъяснениями этой позиции я вынужден, однако, отослать непосредственно к работе Марчарта[125].

6. КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОКРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Если ретроспективно проследить основной вектор развития субкультурных исследований, проводившихся в русле британских культурных исследований, то можно констатировать, что он — с некоторыми колебаниями, вроде работы Хебдиджа, — вел к снижению ожидаемого потенциала политического протеста молодежных субкультур. Политическая составляющая программы сокращалась по мере развития исследовательских инструментов — и эмпирико-методологических (как в работе Уиллиса), и концептуально-теоретических (как в работе Торнтон). Политические ожидания, связанные с возможностью эксплицитной политизации молодежных субкультур, становились, таким образом, все менее оправданными. Разумеется, следует поставить вопрос, происходило ли это в силу исторического изменения характера субкультур или же преимущественно в силу совершенствования методологического и теоретического аппарата их исследования. Не предлагая здесь развернутый ответ[126], отмечу только, что эти ожидания в данном случае исчезали по мере отхода от концепции «глубинной структуры», «экспрессивной модели» и «эссенциалистских» допущений. Тем самым молодежные субкультуры все отчетливее предстают в качестве явления, лишенного значимого социально-политического потенциала,

124. *Marchart O.* Op. cit. S. 125.
125. Ibid. S. 219–250.
126. Второе объяснение, на мой взгляд, все же является более простым и экономичным.

индуцируемого конфликтным социально-экономическим положением их «материнских культур». Что, впрочем, не отменяет, как указывает С. Фрит, их способности выступать условием генерирования новых типов идентичности — в ходе активного их «проживания». Следует добавить, что различные современные авторы, пишущие на тему молодежных субкультур как в России, так и за рубежом[127], в значительной мере лишь варьируют результирующий вывод программы культурных исследований: молодежные субкультуры воспроизводят структуры мейнстримной культуры, а не противостоят им.

В конечном итоге эта тенденция сокращения политической части программы привела к специфическому выхолащиванию содержания культурных исследований, что стало особенно заметно в период более позднего американского бума этого направления. Утрата политической перспективы была замещена здесь практикой фрагментированной и поверхностной интерпретации частных культурных явлений — многочисленными толкованиями Мадонны и Мики-Мауса, телешоу и армреслинга, что послужило причиной, в том числе, весьма резких критических насмешек. Утрата ясных политических ориентиров (на что указывал и Стюарт Холл — см. выше) не была компенсирована усилением исследовательской и аналитической составляющей. Оба эти фактора вызвали массированную критику в адрес культурных исследований[128] — в том числе у интеллектуалов, признающих важность научно-фундированной позиции для современной критической интеллектуальной деятельности. Яркий образец подобной осуждающей позиции по отношению к культурным исследованиям в американском контексте представлен Аланом Вольфом. Отстаивая право университетского сообщества на социальную критику, он отмечает: «Идея, что университеты, захваченные специалистами, больше не являются местом для социальной критики, не вполне верна. <…> Когда все сделано правильно, внимание к методологии и уважение к требованиям логики и очевидности могут улучшить социальный критицизм, а не работать против него. Проблема состоит в том, что если это делать плохо, то академическая работа, произведенная в текущих условиях университетской жизни, легко оборачивается самодоволь-

127. Ср.: *Сибрук Дж.* Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры. М.: Ad Marginem, 2012; *Омельченко Е.* Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отечественные записки. 2006. № 3.

128. Некоторые примеры подобной критики: *McChesney R.* Is there any Hope for Cultural Studies? // The Democratic Communiqué. 1996. № 14 (2). P. 12–16; *Windschuttle K.* The Poverty of Media Theory // Ecquid Novi. 1997. № 18 (1). P. 3–20.

ством. Интересным примером такого самодовольства являются не мандарины высокой теории и европейской моды, занимающие господствующие позиции в департаментах английской литературы элитных университетов, но застенчивое популистское стремление заниматься Америкой и ее повседневной культурой, которое часто встречается у представителей академии в менее престижных университетах. В этом поле, созданном и поддерживаемом левыми представителями академии, <…> мы обнаруживаем отсутствие критической перспективы, одобрение капитализма и ошеломляющее самодовольство перед лицом страдания и безобразия. Это поле называется культурными исследованиями»[129]. Характеризуя же методики преподавательской деятельности американских адептов культурных исследований, Вольф обращает внимание на совершенно необязательный характер этих подходов, проигрывающих даже филологизированным методам постструктуралистской академической работы: «Типичная академическая задача постструктуралиста — читать единственный текст, обычно письменный, читать глубоко и интенсивно, тогда как для энтузиаста культурных исследований задача состоит в том, чтобы перескакивать с одного (часто визуального) текста на другой, устанавливая поразительные связи между ними — даже если они не всегда доступны восприятию»[130].

В итоге критики отмечают, что культурные исследования пережили своего рода внутреннее перерождение, превратившись в нечто вроде академического аккомпанемента глобальной индустрии развлечений: «Академическое предприятие, известное как культурные исследования, сегодня является глобальным феноменом. Его судьба развивается параллельно транснациональной экспансии развлекательных индустрий, из которых представители культурных исследований извлекают столько материала для своих интерпретаций»[131]. Те же адепты культурных исследований, которые не нашли академических позиций, включаются в деятельность культурных индустрий — культурные исследования, таким образом, превращаются в курсы подготовки персонала, для обеспечения правительственной и коммерческой деятельности в сфере культуры: «Культурные исследования работают в качестве авангардной партии для медиа-элиты. В Австралии, где культурные исследования процветают, их поклонники, которые уже не способны найти работу в университете, согласно Меган Моррис, „фактически вынуждены рабо-

129. *Wolfe A.* Op. cit. P. 25.
130. Ibid. P. 26.
131. *Crow T.* Op. cit.

тать в сфере медиа или в бюрократических структурах, а также, все чаще, в частном секторе“»[132]. Разумеется, такой исход никак не соответствует первоначальным задачам программы культурных исследований и может считаться признаком краха основополагающих установок ее исследовательской и политической составляющих.

В данной работе я не стану обращаться к различным попыткам вернуть культурным исследованиям сколько-нибудь универсальную политическую составляющую — во всяком случае, можно констатировать, что эти попытки не достигли до настоящего времени заметного успеха[133].

7. КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ?

В контексте произведенной выше экспликации ядра программы культурных исследований, сформировавшейся в Великобритании, уместно задаться двумя вопросами, обусловленными российской перспективой. Во-первых, почему культурные исследования оказались совершенно проигнорированы (за некоторыми исключениями) в рамках постсоветского бума рецепции самых разных теоретических программ и концепций? И, во-вторых, возможно ли актуализация если не программы в целом, то некоторых ее элементов в нашем актуальном идейном и исследовательском контексте?

Ответ на первый вопрос заключается в сочетании как структурных макрополитических условий, так и некоторых контингентных факторов. Под последними я понимаю элементарную фактичность существования любых интеллектуальных начинаний, завязанную на отдельные локальные инициативы, ор-

132. *Wolfe A.* Op. cit. P. 30.

133. В частности, можно указать на проект А. Шепперсона и К. Г. Томаселли (См.: *Shepperson A., Tomaselli K. G.* Cultural Studies is the Crisis: Culturalism and Dynamic Justice // Cultural Studies <=> Critical Methodologies. 2004. № 4. P. 257–268), предполагающий поставить культурные исследования на универсальное основание концепции «динамичного правосудия» (dynamic justice), сформулированной Агнес Хеллер (См.: *Heller A.* Beyond Justice. Oxford: Basil Blackwell, 1987). Или на более позднюю попытку Оливера Марчарта (*Marchart O.* Op. cit. S. 219–254) очертить возможности возврата культурным исследованиям политической (прежде всего — макрополитической) перспективы посредством консолидации с эссекской школой дискурс-анализа (Э. Лакло, Ш. Муфф) и сформулированной этой школой программы «радикальной демократии антагонистического плюрализма». Эта консолидация, по его мнению, может состояться на основе общего понимания политического характера культуры и общности используемого теоретического аппарата (концепции гегемонии Грамши).

ганизационные возможности и коммуникативные удачи. Здесь ключевую роль играет наличие отдельных энтузиастов с определенной профессиональной квалификацией, усилия по переводу и изданию ключевых текстов, организации продвижения по различным научным и коммуникативным каналам, непредсказуемые образовательные и исследовательские траектории, обеспечивающие определенную сеть контактов, доступ к ключевым научным и образовательным центрам и т. д. Очевидно, что в случае культурных исследований все эти фактические обстоятельства, за исключением локальных точек, не достигли достаточной критической массы. Совокупность же фоновых структурных условий и исторический контекст складывались явно не в пользу культурных исследований.

Крах советской системы привел к формированию в России совершенно специфической интеллектуальной и идеологической атмосферы, которая противоречила базовым установкам и ориентирам программы культурных исследований. Разумеется, нельзя недооценивать доходящую до хаотичности сложность постсоветской ситуации. Тем не менее попробуем схематически обозначить основные ее особенности (развернутое обоснование высказанных ниже суждений потребовало бы привлечения слишком большого массива источников, поэтому я вынужден ограничиться здесь эскизными замечаниями). Локальная постсоветская ситуация фактически сразу оказалась инкорпорированной в рамочный глобальный неолиберальный контекст. Такое внедрение требовало — в качестве ключевого момента постсоветской истории — критики советского прошлого и его наследия, несовместимой, в том числе, со сколько-нибудь целостной политической составляющей культурных исследований, равно как и с основной частью их концептуального аппарата[134]. Если гово-

134. Сказанное не означает, что определенные элементы культурных исследований не могли быть усвоены неолиберальной средой, которая сложилась и в постсоветской России. В этом как раз и состоит особенность значительной части постсоветского интеллектуального ландшафта: инструменты анализа и критики, выработанной в рамках левых проектов (включая культурные исследования), оказались — осознанно или нет — инкорпорированы как в различные версии неолиберальной программы, так и в традиционалистские течения (хотя для последних неоценимую услугу оказал, прежде всего, постмодернизм). Впрочем, несмотря на то, что подобная метаморфоза в России имела необычайно выраженный характер, нельзя сказать, что это какая-то экстраординарная особенность: перехват риторических и концептуальных инструментов левых был весьма распространенной практикой, начиная с 1970-х гг. Как раз этот момент фиксирует анализ тэтчеризма, предпринятый Холлом. С другой стороны, теория гегемонии Грамши была подхвачена, в частности, «новыми правыми» (Ален де Бенуа и др.).

рить о переднем крае интеллектуальной моды 1990-х гг., то здесь также сложилась ситуация, неблагоприятствующая рецепции культурных исследований. Доминирующей оказалась французская структуралистская и постструктуралистская традиция, под определяющим влиянием которой сформировался специфический «российский постмодернизм». Учитывая полемическую позицию британского «культурализма» по отношению к французскому «структурализму» и постмодернизму, это обстоятельство уже само по себе работало против культурных исследований. Кроме того, лишенный контекста своего происхождения, задающего определенный горизонт сложности, постмодернизм в российских условиях взял на себя функцию фронтальной критики по отношению к старым идеологиям и нарративам. Все они — в силу исторических причин — были ассоциированы, прежде всего, с советским прошлым и, следовательно, с социалистическим, левым проектом. Поэтому вне зависимости от собственных ценностных установок протагонистов российского постмодернизма он объективно подпитывал указанный неолиберальный тренд, в усиленном виде обнаруживая те свои черты, которые вызывали критическое отношение к постмодернизму со стороны того же Стюарта Холла.

В нашем контексте нет необходимости специально задерживаться на особенностях консервативных течений в постсоветской России. Замечу только, что парадоксальным образом элементы постмодернистской риторики были усвоены и на этом фланге — консервативном, традиционалистском (или, скорее, паратрадиционалистском) и даже церковном. В рамках этих позиций, также быстро выкристаллизовавшихся в новой постсоветской ситуации, постмодернизм был усвоен уже как инструмент критики «западной» цивилизации, как аргумент в пользу отказа от универсальных стандартов рациональности, права и т. д.[135] С учетом бурного развития этих трех интеллектуаль-

135. Ср., просто в качестве примера, следующее типовое рассуждение: «Модерн, будучи завершен, не сошел совсем со сцены и не оставил в покое людей — он продолжает свое существование, причем в самых агрессивных формах: реклама, мода, поп-культура — в этих сферах его неявный диктат по-прежнему очень жесткий. В требованиях „покупать только это, а не то“, „носить это и не носить то“, „делай, как я!“ и т. п. под видом индивидуального выбора проводится тотальная массовизация. <…> Не беда, что в гонке Модернов мы проиграли. Проиграв, мы обрели шанс на общество Постмодерна, прекрасно уживающееся с Традицией и даже способствующее возвращению к ней. Проект Модерна, несмотря на его успешность, в целом обречен, и его воинствующие адепты, которым некуда возвращаться, в конце концов потеряют все. Надо понять: постмодерное состояние России сегодня — это историческая неизбежность, причем не такая уж печальная. От нас зависит — будет ли наше „новей-

ных трендов — неолиберализма, разных вариантов консерватизма и сработавшего на оба эти течения постмодернизма — левый фланг в своей дееспособной части оказался обедненным ресурсами влияния на общую интеллектуальную ситуацию в постсоветский период. Во всяком случае, заметного интереса к программе культурных исследований проявлено здесь не было. Российские левые, кроме того, скоротечно переживали в постсоветской ситуации тот кризис, который с конца 1970-х гг. постепенно разворачивался в западных демократиях. Напрямую защищать левый проект в новой ситуации означало, по сути, защищать советское прошлое.

Подобная стратегия формально превращала левых в консерваторов, защитников «ancien régime» (фактически такую функцию и выполняла самая инертная часть левых, ассоциированная с КПРФ), что было несовместимо с общим модернистским и авангардистским дизайном левой программы. Но именно в этой части неолиберальным силам удалось перехватить инициативу и без всяких оговорок следовать авангардно-революционной риторике[136], обращенной против настоящего в радикально новое будущее. Фактически левые оказались заложниками противоречия между возникшим в послевоенный период «государством всеобщего благосостояния» (один из вариантов которого создавался также в СССР) и стандартным набором собственных критических инструментов, неизменно обращенных против государства — как в его буржуазном, так и в советском варианте. Расправляя плечи, неолиберальный Атлант, выступал за ликвидацию эгалитаристской системы государственного регулирования и перераспределения, апроприировал и радикализовал эти левые критические инструменты, рассматривая государство как средоточие бюрократии (в советском варианте — «номенклатуры»), патернализма, репрессивного аппарата и коррупции, как машину подавления личной свободы, творческой инициативы, свободной конкуренции, свободной самоорганизации и т. д. Если сформулировать основной проблемный

шее Средневековье“ столь же религиозно выдающимся и плодотворным, как первое, давшее Святую Русь» (*Бражников И., Бражникова Я.* Шанс завершения русского модерна // Политический журнал. 2007. № 29 (172).

136. Нетрудно заметить, что и в современной России значительная часть революционной символики усвоена неолиберальным символическим порядком. Ср.: «Экономический форум в Петербурге не обошелся без громких вечеринок. Известный олигарх-затейник Михаил Прохоров собрал друзей-миллионеров на революционном крейсере „Аврора“. Кают-компания на время превратилась в банкетный зал. Гости развлекались антикризисными частушками и икрой, а водку разносили официантки в тельняшках» (Вечеринка на «Авроре» // Комсомольская правда. 8 июня 2009).

пункт этой коллизии, фундаментально переопределивший отношение сил и стратегии социалистов и либералов, то он в значительной мере может быть сведен к вопросу о государстве. Критическое крыло левых (к которому следует отнести и программу культурных исследований) так долго культивировало критическое отношение к государству и, в качестве производной, вообще к бюрократическим формам организации (в качестве одного из элементов сталинизма, как ключевой момент 1968 г. и т. д.), что оказалось не готово к появлению силы, сделавшей ставку на бескомпромиссную последовательность в этом вопросе в рамках обновленной программы свободного рынка.

Что касается второго вопроса, сформулированного в начале этого параграфа, то прежде чем высказать некоторые положения в этой части, я сразу попробую ясно зафиксировать интеллектуальную перспективу собственного возможного ответа на него (в противном случае эта часть статьи рискует превратиться в необязательную политическую прокламацию). Во-первых, я хотел бы отметить, что вся российская история последнего столетия ставит нас в положение, которое исключает наивное и прямолинейное калькирование каких бы то ни было ангажированных интеллектуальных программ, подобных программе культурных исследований. В силу, в частности, принципиального отличия социокультурных и политических условий, которые были субстратом разворачивания британской программы культурных исследований. Львиная доля тех моментов, которые делали эту программу инновационной в британском контексте, не могли и не могут быть таковыми в советском, а затем и в российском контексте. Любой прилежный советский школьник всегда знал, что культура является местом разворачивания политической борьбы и что область знания и культуры пронизана идеологической ангажированностью и борьбой за власть. Генеалогически понятия «высокой» и «массовой» культуры в СССР сформировались на основе радикальных советских переопределений культурного поля, задающих совершенно специфическую конфигурацию доминантной и маргинальной культуры. Разумеется, история не стоит на месте, и в современном российском обществе можно обнаружить некоторые сегменты проблематики, релевантные первоначальной программе культурных исследований. Но тем более точно следует отдавать себе отчет в имеющихся различиях устоявшихся подходов и предметов исследовательского интереса, закрепившихся в российских исследованиях культуры. Кроме того, необходимо фиксировать специфику своей собственной институциональной позиции и перспективы, не питая на этот счет никаких иллюзий и не вводя в заблуждение других по этому поводу. Для меня эта

перспектива определяется, прежде всего, институциональной рамкой современного российского университета, основанного на норме политической нейтральности. Возможно, в российских университетах также со временем появятся научные центры, созданные по частной инициативе, которые смогут открыто и публично придерживаться определенных политических позиций (как это и было в случае Центра современных культурных исследований в Бирмингеме).

Но пока этого не происходит, игры в политическую ангажированность не только прямо нарушают нормы университетского контракта, но и создают далеко не безопасную почву для идеологической и прямо пропагандистской инструментализации академического сообщества, освободиться от которой в России стало возможно лишь в постсоветский период. Принимая во внимание эти соображения, я прямо утверждаю, что в российских условиях необходимо следовать тем же стандартам университетской науки, которые были установлены, в частности, в послевоенный период в Германии: исследования культуры необходимо строить по модели ценностно нейтральных «Kulturwissenschaften» («наук о культуре»), а не политически ангажированной программы культурных исследований. И как раз эта позиция, добавлю, является дефицитной и маргинальной, учитывая контекстуальные особенности нашей истории — как советской, так и постсоветской. Воспроизводство в постсоветский период, по сути, советского официозного представления о неизбежной политической составляющей любой «надстройки», включая науку и сферу образования, подпитывается не только инерцией прошлого, но и целым рядом других источников — российским постмодернизмом, отечественной версией философии науки, завершающейся на радикально релятивистких мыслителях вроде П. Фейерабенда и т. д. Требовать глоток воды уместно в аризонской пустыне, а не посреди озера Тахо.

Исходя из этой преамбулы, кардинальный вопрос заключается в следующем: если считать культурные исследования политическим проектом par excellence, возможно ли вообще сохранение его элементов без политического ядра? Можно ли в данном случае отделить «метод» от «системы» — по аналогии с операцией, проделанной марксизмом с философией Гегеля? Чтобы ответить на этот вопрос, следует принять во внимание эвристический аспект культурных исследований. Культурные исследования в Великобритании зародились и окрепли как исследовательская программа не благодаря своей политической ориентации — во всяком случае не в первую очередь. Без исследовательской составляющей они бы без следа растворились в пестрой среде «новых социальных движений». Культурные ис-

следования нашли продуктивную эвристическую нишу, прежде всего, как исследовательская стратегия, восполняющая определенные дефициты британской социологии, ориентированной на количественные опросные исследования. Существует ли подобная ниша в российском исследовательском пространстве? — Безусловно. Содержательное и качественное знание о российском обществе находится в зачаточном и фрагментированном состоянии[137]. Последовательная, методологически фундированная работа в области нерепрезентативных социокультурных (или культурсоциологических) исследований является перспективной областью для российской культурологии. Работа в этом направлении тем более необходима, что осуществляется не только с оглядкой на область социологии. Речь идет также о преодолении литературоцентристского и сугубо кабинетного профиля российской культурологии в том виде, как она сложилась в постсоветский период. Культурные исследования также начинали с подходов, ограничивавшихся областью литературы. Но эта работа, по меньшей мере, имела своим основанием уникальный живой биографический опыт основоположников программы. Дальнейшее развитие программы в ее лучших проявлениях было связано с переориентацией на различные методики качественных эмпирических исследований. Учитывая проблемный опыт бума культурных исследований за пределами Великобритании, когда поверхностность шла рука об руку с утратой потерявших свою актуальность политических ориентиров, следует заключить, что без соблюдения жестких сциентистских и методологических канонов культурные исследования превращаются в практику необязательных спекуляций относительно визуальных и литературных артефактов культуры.

Ориентация на живой опыт, конкретные практики и подчеркнутое значение индивидуальной активности, присутствующая в «культурализме» культурных исследований, — важный источник для преодоления также кабинетного «структурализма». Последний я в данном случае расширительно интерпретирую как практику сугубо спекулятивной работы, ограниченную в своем материале и наборе методологических инструментов поверхностью письменного стола. Советское общество строго контролировало доступ к социальной и культурной реальности,

137. За примерами здесь далеко ходить не нужно: политические события конца 2011 — начала 2012 г. в столице и крупных города России самым наглядным образом подтверждают этот тезис. При наличии хорошо отлаженных массовых опросных машин, справляющихся с задачами обслуживания политических ритуалов (равно как, добавим, и с решением задач маркетинговых исследований) эти события обнаружили полное неведение в отношении качественных характеристик российского общества.

что делало подобный способ интеллектуальной работы доминирующим. В постсоветский период эта исследовательская манера воспроизвелась под влиянием не только культурной и институциональной инерции, но и новых факторов — ограниченности ресурсов, специфического интеллектуального эскапизма (неслучайно популярнейшая метафора этого периода — «игра в бисер»), влияния структурализма в том смысле, как это понятие используется у теоретиков культурных исследований. Таким образом, в программе культурных исследований содержится значительный потенциал для обновления самой практики работы в сфере исследований культуры. Равно как и стимулы для демократизации поля предметного интереса российской культурологии, охотно интересующейся высокими теориями, изысканными и маргинальными продуктами и темами или, напротив, поверхностными и легкодоступными явлениями массовой культуры. Не будет большим преувеличением сказать, что сегодня менее всего можно ожидать появления в российской культурологии работы, аналогичной исследованию Хоггарта, посвященного массовой трудовой культуре. Тогда как, например, тексты, посвященные элитарным продуктам фестивальной культуры, имеются, напротив, в большом количестве.

Не следует упускать из вида и еще одну принципиальную особенность проекта культурных исследований. А именно, постоянную и напряженную работу с современной теорией, подвижную интеллектуальную отзывчивость, направленную против любых форм интеллектуального изоляционизма. Без усилия, нацеленного на постоянное теоретическое и методологическое обновление, культурные исследования не представляли бы того заметного интеллектуального явления, в качестве которого они в конечном счете смогли состояться.

История программы культурных исследований поучительна также в том отношении, на которое, в частности, указывает О. Марчарт, подчеркивая насущную потребность более интенсивной рецепции политической теории. Простая политическая ангажированность в современном динамичном мире быстро превращается в провинциальность и догматизм, способный реагировать на изменения лишь задним числом. Отсутствие постоянной напряженной связи с областью социальной и политической теории, равно как и ослабевшее внимание к методологическому аспекту собственной исследовательской практики — вот два основных дефицита в истории проекта культурных исследований (во всяком случае, в поздний период).

Названные эвристические моменты, которые могут быть включены в актуальный российский контекст исследований культуры, не отменяют, впрочем, вопроса если не о политиче-

ской, то, по крайней мере, о практической составляющей работы в этой области. Представляется, что в современной ситуации честная стратегия исследований в области культуры заключается в том, чтобы отдавать себе постоянный рефлексивный отчет относительно того, в интересах каких конкретных сообществ осуществляется тот или иной проект. И хотя прямая политическая ангажированность подлежит, согласно заявленному выше тезису, исключению из академической сферы изучения культуры, это не отменяет конституционных и базовых правовых норм российского общества, задающих необходимый и достаточный базис для реализации их практических установок. Ориентиры для этих установок предельно ясны — демократизм общественной и политической жизни, исключение дискриминации, реальное соблюдение прав и свобод граждан и сообществ. Содействие в реализации этих ценностных ориентиров — само по себе уже безмерно амбициозная задача для исследований культуры в России, работа над которой может обойтись без дополнительной политической экзальтации средствами политической утопии.